

ДМИТРИЙ ГАЛАНТЭ

УДИВИТЕЛЬНОЕ
РЯДОМ, ИЛИ
ТОТ САМЫЙ,
ИНОЙ МИР

ТОМ 2

Дмитрий Галантэ

**Удивительное рядом, или
тот самый, иной мир. Том 2**

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2016

Галантэ Д.

Удивительное рядом, или тот самый, иной мир. Том 2 /
Д. Галантэ — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2016

Острюжетный роман о нашем современнике, оказавшемся неожиданно для себя в параллельном мире. Читающий мысли старик, орлы-перевозчики, говорящие лоси, шаловливые домовые и жизнь в подземных городах в этой реальности – обычное дело. Узнать тайну существования этого мира и причины своего появления здесь и предстоит герою.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	41
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дмитрий Галантэ

Удивительное рядом, или тот самый иной мир

Том 2

Глава 1

Совет неповторимый завтрак

– Вот ещё, я вовсе и не думал стесняться! Чего это мне стесняться? – нерешительно промолвил Дорокорн. – Только что нам делать и как поступать, даже и думать особенно нечего. По-моему, всё предельно просто и ясно. Главное, как это воплотить в жизнь? Вот это вопрос, так вопрос! Нам нужно нейтрализовать будущих одноклассничков, исхитриться похитить Джорджа и доставить его на Опушку Сбора, пусть сами там с ним разбираются. Но вот как это сделать – ума не приложу. Мы даже не знаем, где он живёт. А если бы и знали, что толку? Там ведь ещё ворон и Корнезар с ножами в сапогах отираются.

– Вот как раз они не так страшны! – вступил в разговор Юриник. – Я имею в виду Корнезара с Коршаном. Если надо будет, мы в два счёта усыпим ворона, подсыпав ему зелья, когда он прилетит обжираться за наш стол в очередной раз, и дело с концом.

– Легко сказать! Ну и как мы это сделаем? – удивился Дорокорн.

– Элементарно! Мы посыпем ему мясо порошком из сонной травы и через часик-другой бери – не хочу его тёпленького! Если он только на лету не заснёт, а и заснёт – шмякнется, невелика беда, ничего с ним не случится. Всем известно, что такие проныры, как Коршан, отличаются крайней живучестью. Мы его отыщем и спеленаем. На его собрата Корнезара можно напасть неожиданно и связать. Что мы, вчетвером с ним не справимся, что ли? Конечно, при условии, что он живёт в комнате один. Но это мы скоро узнаем – сладёна-домовик своё дело знает.

– А хозяин школы, а все остальные? А гнусные амекарцы наверху? – вопрошал Дорокорн.

– На счёт амекарцев, так это нам надо будет связаться с лесными людьми, они их быстро и не без удовольствия нейтрализуют, как миленьких! – выдвинул своё предложение дед.

– Остаются ученики и Джордж, – подытожил я.

– Если запустить лесных людей в школу, то и с учениками разберёмся быстро, но сначала надо взять в плен Джорджа, – сказал Дормидорф.

Юриник задумчиво откликнулся:

– Да-а, этот Джо-рджи-ус – чирей в одном месте, не иначе!

Вдруг меня осенило:

– Помните ту карточку, что я достал из вредного кармана? Если я смогу посмотреть на Жору, потом на неё, а затем надавать шелбанов по его облику на карточке? Пока он будет кувыряться, мы его свяжем, запихнём в рот кляп побольше и поднимем вверх к Агресу. А через сутки или двое мы будем уже на Опушке Сбора и свободны, как ветер в поле.

– Ладно, – задумчиво сказал Дормидорф. – В целом план неплохой, вполне может и получиться, а мелочи уточним по ходу дела. Выход наружу, как известно, у нас свободный, так что готовьтесь, завтра пойдём осуществлять первую часть нашего плана, она же самая лёгкая, договоримся с лесными о помощи в нейтрализации амекарцев и учеников школы, когда время настанет.

Таким образом мы разработали в общих чертах план действий, хотя раньше казалось, что положение практически безвыходное. Именно так часто кажущееся безнадежным дело удаётся удачно завершить, если сначала взвесить все за и против, и только потом приступить к конкретным действиям.

Я лежал на кровати и слушал лёгкое похрапывание Юриника, который уснул, казалось, не успев дотронуться до подушки ухом.

Не помню, как я заснул, зато хорошо помню, как проснулся! Опять этот неугомонный прыщ Максимилиан, чёрствый пряник ему под простыню! Взял манеру будить меня среди ночи, никакого уважения! Вот и в этот раз я подскочил на месте от неожиданности из-за того, что он довольно интенсивно щекотнул меня по шее, щеке и уху своей шерстью, пытаясь прошептать на ушко что-то, надеюсь, не слишком интимное. От этого прикосновения я вздрогнул, как ужаленный, и с недоумением вытаращился на него, пытаясь сообразить, где я и что со мной. Он же, непутёвый пройдоха, довольно ухмыльнулся и прошептал, шевеля мохнатой бородой и тошнотворными усищами, всё ещё продолжавшими отвратительнейшим образом нагло и бесцеремонно щекотать меня:

– Я всё разузнал! Буди всех, да поскорей! Можно я сам разбужу Юриника? Доверь-ка это мне, очень хочется!

Он кинулся, было, к мирно почивавшему Юринику, и я еле успел его остановить, схватив в самый последний момент за бороду. Пришлось даже несколько раз дёрнуть его и встряхнуть, чтобы привести в чувство и облагородить, заодно этим хоть душу отвёл. Всё ещё продолжая держать его на вытянутой руке за бороду, я посмотрел на часы: два тридцать ночи. С трудом удалось убедить Максима подождать со своими известиями до утра, тем более ничего особенного в них не было. Под небольшим давлением с моей стороны домовый рассказал, что ворон, Корнезар и Джорджиус живут на третьем уровне, комнаты располагаются рядом. А теперь к ним ещё присоединилась учительница по растениеведению, которая заявила полчаса назад и долго громыхала чем-то в обеденном зале, недовольно вздыхала и бормотала что-то себе под нос. Наверное, проголодалась с дороги. Она, естественно, заняла свободную комнату, приготовленную специально для неё. Та комната располагается рядом с корнезаровой.

Мокся совершил ещё несколько попыток сообщить всё это Юринику, но я строго пригрозил ему, что если он сейчас же не уймётся, то пряников ему больше не видать, как своих собственных ушей. На что домовый оттянул себе левое ухо на вытянутую руку, внимательно посмотрел на него, показал мне, заботливо сдул с него какую-то соринку, а потом разжал пальцы. Ухо со шлепком тут же вернулось на прежнее место. То же самое он проделал с другим ухом, потом с носом, и не успел я его остановить, как этот фокус он попытался проделать со мной, больно дёрнув меня за нос. Домовой был немало удивлён, что мои уши и нос не обладали такой же эластичностью, как его. Он от всего сердца посочувствовал мне и на прощание доверительно пообещал научить меня делать это, но не сейчас, а в другой раз, как-нибудь на досуге. Теперь же он отправляется в таинственный и опасный ночной дозор охранять наш мирный сон, а потому ему ужасно некогда. С гордым видом Максимка удалился, а я наконец получил возможность хотя бы попытаться спокойно уснуть.

Проснулись мы от громкого, усиленного эхом противного карканья, доносившегося из центрального винтового тоннеля. На часах было пять тридцать пять утра.

– Ну и шум! – сонным голосом проворчал Дормидорф. – Словно кто-то спугнул целую стаю ворон.

– Да, очень жаль, что Коршан не соловей или скворец, ну, на худой конец, кенар, – отозвался Дорокорн.

– Кенар-тенор, – недовольно пробурчал Юриник. – Хватит с нас и одного тенора-кенера.

Мы быстро встали, привели себя в порядок и убрали постели. И только собрались идти завтракать, как вдруг Дорокорн насторожился, подняв вверх правую руку с одиноко торчащим

указательным пальцем. Он ближе всех в тот момент находился к коридору и потому первым услышал шум приближающихся шаркающих шагов. Это оказался домовый-часовой, небрежно-ленивой походкой пожаловавший к нам. Пожелав всем доброго утра, Мокся деловито взгромоздился на стул, стоящий посередине комнаты, и очень важно, с чувством, толком и расстановкой поведал то, что я имел удовольствие узнать ночью.

В конце он гордо добавил:

– Уж будьте спокойны, к вашему коридору никто не подходил, а старуха-учительница несколько раз в течение ночи умудрилась побывать в обеденном зале, всё пила какие-то отвары. Она, видимо, вообще не имеет привычки спать по ночам, ходит тут и ходит, ходит и ходит...

– А откуда она брала отвары, приносила с собой или заказывала у скатерти? – спросил, оживившись, Дормидорф.

– Заказывала у скатерти, – отвечал Мокся.

– Ты совсем не запомнил никакого, хотя бы одного названия, ну, хоть приблизительно?

– Не-а. Было очень плохо слышно, да и наклонялась она низко, прямо к скатерти. Но сейчас я, кажется, смутно начинаю припоминать, будто слышал что-то вроде совиной травы или, может быть, свиной.

– Ну, свиной – это вряд ли, – подхватил Дормидорф, – она же не бегала после этого по тоннелям, похрюкивая и виляя хвостиком, скорее всего, совиной. Потому она и не спала всю ночь, а колобродила. Может быть, она имеет весьма распространённую особенность – плохо спать на новом месте. В таком случае даже сонные отвары не очень помогают, а коли принять что-нибудь посерьёзнее, то потом голова будет плохо соображать и может даже болеть. С этим нужно быть поосторожней. Если переборщить с пропорциями, память начисто отшибает, правда, не на всю жизнь, но всё равно радости мало. Поэтому проще взбодриться как следует, чтобы не мучиться и не пребывать в противном и бесполезном полусонном состоянии и заняться чем-нибудь полезным. Например, почитать интересную книгу, да мало ли можно найти занятий, до которых давно не доходили руки! Ладно, большое тебе спасибо, Максимилиан, нам пора идти завтракать, потом поднимемся наверх, если ты нам будешь нужен, мы тебя обязательно вызовем.

– Большое пожалуйста, всегда рад помочь хорошим добрым людям, тем более теперь мы живём все вместе, одной дружной семьёй, а я так всегда об этом мечтал! Следовательно, мы должны, даже обязаны помогать друг другу и заботиться. Вот я о вас очень даже забочусь, вы, надеюсь, это уже заметили? Или пока ещё нет? И это далеко не предел моих могучих возможностей! В ближайшей перспективе я планирую уделять вам ещё больше своей чуткой заботы и трепетного внимания, – заискивающе отвечал домовый, нежно принимая из рук деда небольшой пакетик с пряниками и расцветая на глазах. Он, довольный, отправился по своим делам, а мы по своим.

А Юриник ворчливо и недовольно бурчал себе под нос на ходу:

– Заметили ли мы его чуткую заботу и трепетное внимание? И он ещё спрашивает! Конечно, заметили, как не заметить! Куда уж больше-то? Не-ет, хватит, больше не надо, я и так не знаю, куда мне от его тёплой заботы прятаться, а дальше будет ещё теплее...

Наш путь лежал в обеденный зал. Зайдя в него, мы с удовольствием отметили, что некоторые ученики уже успели позавтракать. Они небольшими группами выходили, поравнявшись с нами, приветливо здоровались, и мы, естественно, отвечали им тем же. Дорокорн заметил то, что я заметил ещё вчера, а именно: по одному здесь никто не ходил, но и больше чем по двое-трое тоже. Больших групп, кроме нашей, не было видно, так что мои вчерашние догадки на счёт отсутствия сплочённости успешно подтвердились.

Заказав у скатерти завтрак и не забыв про вечно голодного ворона, мы заняли столик, расположенный в стороне от всех, там, где было потише, и, удобно расположившись, принялись за дело. Тарелку с мясом, приготовленную для Коршана, мы предусмотрительно отодвинули

чуть в сторону, чтобы он в порыве голода и под воздействием эмоций, бьющих у него через край при виде мяса, не приземлился, сгоряча, в блюдо к кому-нибудь из нас. Наглого ворона всё ещё не было, зато в зал вошёл Корнезар. Он выглядел свежим, отдохнувшим и выспавшимся, да и отсутствие постоянного присутствия с ним ворона не могло не сказаться положительно на его настроении и физическом состоянии. Привычной шишки на лбу уже практически не было, и впереди всё представлялось в радужном свете: учитель года, премии, почести, овации и всё такое...

Поздоровавшись со всеми и помахав нам рукой, он улыбнулся, после чего быстро заказал себе завтрак и, забрав его, направился напрямик за наш столик. Усевшись на свободное место, он понимающе кивнул головой на тарелку с мясом для ворона, после чего проговорил тоном, не лишённым сочувствия:

– Наш общий крылатый знакомый своего не упустит, да и чужого тоже. Чем же вы собираетесь сегодня заняться, если не секрет?

Мы ответили ему, что собираемся выйти наверх прогуляться, поразмяться и подышать свежим воздухом, а затем продолжить обследование сего города, ничего секретного в наших планах нет. Он снова понимающе улыбнулся и одобрительно кивнул, не выказав, между тем, никакого удивления. Лишь порекомендовал не заходить наверху слишком далеко и избегать общения с амекарцами и лесными людьми, коли таковые встретятся на нашем пути. А затем, быстро покончив с завтраком и сославшись на неотложные дела, связанные с началом занятий, Корнезар, раскланявшись, быстро удалился. Не успели мы перекинуться и парой слов, как в зал влетел Коршан.

– Лёгко на помине! – негромко сказал Юриник, сделав из глиняной кружки большущий глоток арбузного сока вперемешку с дынным. Ворон, ловко спланировав на наш стол, пробурчал что-то вроде приветствия и накинулся, рыча от нетерпения, словно голодная невоспитанная собака, на приготовленное для него угощение. За считанные секунды ненасытный Коршан расправился с едой, так же, как и с добавкой, которую он вежливо, но настойчиво вытребовал у нас, как и в прошлый раз. После еды он нахохлился, распустил перья и приготовился слегка отдохнуть, а, может быть, даже вздремнуть ненароком, но не специально, а так, если получится. Коршан вообще в последнее время изменился до неузнаваемости: как в отношении к нам у него возникло какое-то подобие дружбы, так и в поведении появилось что-то, отдалённо напоминающее воспитанность. Он начал изъясняться более культурным и благозвучным языком, ему стало безразлично мнение окружающих. Как вчера за ужином, когда он вовремя спохватился с поспешным заглатыванием мяса. Хотя сейчас он почему-то не придал этому большого значения и даже позволил себе рычать во время завтрака.

Между тем, устроившись поудобнее, ворон всем своим видом давал понять, что теперь он не прочь поболтать о том о сём! Коршан вопросительно уставился на нас, обводя томно-ленивым взглядом всех присутствующих по очереди.

Первым не удержался и задал ему вопрос Дорокорн:

– Ты случайно не встретил своего друга и соратника Корнезара, он только что вышел отсюда?

– Встретил, встретил! А точнее, это он встретил лбом моё крыло, да так удачно, что его пустая голова загудела, как прохуdivшийся церковный колокол! Вы должны были отчётливо слышать этот пустой звон, – заносчиво ответил ворон и с вызовом окинул нас своим идеально отретпетированным орлиным взором.

– Да почему же ты так недолюбливаешь Корнезара? – этот вопрос интересовал всех, но задал его всё тот же Дорокорн.

– А за что вы мне его прикажете любить-то? За красивые глазки, что ли?

Намёк на Корнезаровы красивые, а раз так, то и наверняка вкусные глазки, показался мне зловещим. Я поневоле припомнил свои опасения на плоту в последний день нашего сплава

ления по реке, когда ворон вскарабкался мне на руки и ловко разыгрывал дружескую заботу в надежде чем-нибудь поживиться. Он тогда ещё сожрал здорового жирного жука с моего плеча и противно хрустел им прямо мне в ухо. Тьфу!

А тем временем Коршан продолжал, всё больше распаляясь:

– Он, по-моему, что-то имеет против нас, птиц! К тому же от него никогда не дождёшься ни доброго слова, ни маленького завалищего и обветренного кусочка мяса, чтоб заморить червячка.

– Трудно ожидать от человека любви, когда над ним издеваются так изощрённо, как это делаешь ты! – проникновенным голосом, чтобы не взбесить ворона раньше времени, проговорил Дорокорн.

Коршан уточнил:

– Как так?

– Шпыняешь его постоянно, клюёшь, оскорбляешь, а тогда, на плоту, он и вовсе чуть не захлебнулся после твоего меткого помётотметания!

– Да-а... ха-ха... вы помните? Это было весело, да, очень весело! Ладно, так и быть, если вам интересно, то расскажу уж... Только, само собой, по большому секрету. Так что никому ни гу-гу!

Мы дружно закивали головами, и удовлетворённый Коршан начал рассказ:

– Всё началось после одного досадного несчастного случая, произошедшего со мной не так давно. Вербовали мы с Корнезаром очередную партию учеников в эту школу в небольшом поселении, дня три лёта отсюда, не больше. Ну, я-то, конечно же, был, как всегда, за старшего. Нда-а! А всё потому, что именно я пользуюсь заслуженным авторитетом, уважением и доверием. Ценят меня здесь, понимаете, в чём дело? Ценят, я бы сказал, немилосердно, и в хвост и в гриву... Вот такая петрушка у нас получается, – Коршан, такое впечатление, на мгновение задумался о чём-то своём и к тому же малоприятном, но сразу спохватился и продолжил, видя, что мы внимательно слушаем и терпеливо ждём продолжения. – Так вот, как-то поздним вечером я плотно поужинал, так, доложу я вам, плотно, как никогда в жизни до этого. Просто, понимаете, случилась оказия, такое не каждый день бывает! Праздник, одним словом! В соседнем лесу волки удачно задрали старого лося! Красота и загляденье, друзья мои, просто пальчики оближешь! Любой из вас на моём месте не удержался бы, это я вам гарантирую, хвост на отсечение готов отдать, за уши вас не оттащишь, окажись вы на том пиршестве!

Он повернулся и горестно окинул взглядом облезлый и обшарпанный обрубок, который остался у него от хвоста после близкого знакомства с лесными людьми, и который лично мне вовсе не жаль было бы отдать на отсечение. Коршан при виде этого жалкого зрелища на мгновение взгрустнул, но продолжил:

– Э-э, о-о, ну да ладно! Там такое было... лосяра-то, бродяга, силён оказался, как слон! Он ещё пару-тройку шелудивых лесных собак прихватил с собой. Мне точнее трудно было подсчитать, он этих волчар по деревьям, как паштет по хлебушку размазал, и несколько вёдер крови сверху всего этого великолепия, для сочности, как специально, вылил. А кругом, если хорошенько поискать, глаза были пораскиданы, люблю я их, сил моих нет. Ух, как люблю! Ну и красота, скажу я вам, словами такое трудно описать, просто прелесть! Это нужно попробовать. Вы многое потеряли, друзья мои...

И он снова пустился в мечтательные воспоминания, уже по второму кругу бубня про отвратительный нежный паштетик. Юриник вдруг начал закатывать глаза, а Коршан всё продолжал рассказ глумливого гурмана:

– Будто тающий во рту фарш, а сверху всё окроплено юшкой, в некоторых местах даже начала образовываться аппетитная нежная корочка! Такой вкусотищи я ни до, ни после не едал. Это всё равно, что очутиться в серёдке ароматного мясного пирога. Это ж самое удовольствие, когда с кровью... А у самого лося мясо было, что ни говори, не ахти, немного

жестковато! Вот если бы его чуток выдержать в укромном тёпленьком местечке, то тогда оно стало бы помягче. Да и запашок такой приятный появился бы. Жаль, некогда было ждать, питаюсь постоянно впопыхах, всё работа, работа, я ж на ней прямо сгораю без остатка, горю живьём синим пламенем!

Ну, прилетел я в деревню сытый, довольный, на душе у меня, естественно, играет райская музыка, и не мудрено! Праздник ведь у меня, можно сказать! Только малость не рассчитал, темно уже было, потому приземлился я прямым в сточную яму! Ну, знаете, в яму с очень дурно пахнущей жижицей. Да, пахло так... я бы даже сказал, не пахло, а смердело. Я подозреваю, между нами, гм, девочками, что это была отстойная яма. Так вместо того, чтобы пожалеть меня, поддержать по-товарищески и помочь, это басурманово отродье, эта гнусная моль, Корнезар, насмеяться надо мной удумал! Издевался, как над желторотым птенцом, ядри его в коромысло. Он-то, рукопомоечник и лишенец, сразу скнокал, чем это я давеча ливеровался! Потешался так, что его самого рвать начало, да ещё так сильно, у-у! Я просто диву давался, насилу успел отпрыгнуть в сторону, а то б он обязательно замарал меня, всего бы так и перепачкал! До чего же невоспитанный оказался, клюв ему в дышло! Неотесанный! А кому, скажите на милость, приятно оказаться выпачканным в блевонтине? Разве есть такие? Покажите-ка мне хоть одного такого человека, и я выключу ему глаза и печень, и почки тоже! Но Корнезар! Мне никогда не приходилось видеть, чтобы человека так выворачивало наизнанку. Ему показалось мало высмеять меня, так он ещё посмел не пустить меня в дом! Меня, получившего тяжелейшую душевную травму, психологический, так сказать, надлом! По его вине и страдал я, несчастный, между прочим! А потом он, вдобавок, ещё и Джорджиусу всё рассказал. Представляете? О, каков проходимец... нахал... живодёр... У-у-у!

Мы и сами уже были близки к тогдашнему состоянию Корнезара. Завтрак был окончательно и бесповоротно испорчен, впрочем, так же, как и вчерашний ужин! Умеет Коршан нагнать тоску на желудок, или этот изошрённый гурман специально всё нам именно сейчас рассказывает? Просто не наелся ещё и хочет полакомиться вкуснятинкой! Бедняге Юринику уже подкатило, но он самоотверженно боролся... уже и позеленел весь, но мужественно терпел и не поддавался!

А ворон так увлёкся своим пламенным рассказом, что ничего не замечал, он снова жил воскресшими воспоминаниями, ему чуть не до слёз стало жаль себя! Действительно, Корнезар, каков душегубец, взял, да и испортил ему такой знатный вечерок! Расчувствовавшийся Коршан продолжил свой душещипательный рассказ, который, как ни странно, вовсе нас не растрогал:

– А я, униженный и осмеянный, временно потерявший способность летать не столько из-за того, что слегка переел, сколько из-за слипшихся и потому отяжелевших перьев, ковылял по пустой, тёмной дороге в поисках хотя бы какого-нибудь, пусть даже самого заваливающегося водоёма, чтобы слегка ополоснуться и почистить пёрышки. Между прочим, я тогда был так беззащитен, что представлял лёгкую добычу для хищников, например, кошек! Но даже они, видимо, чувствовали моё неподдельное горе, мою искреннюю обиду и не трогали меня. Я видел, как они из жалости и соболезнования обходили меня стороной, понимая, скрываясь в кустах при одном только моём приближении! Я их за это зауважал! Вот это душа-а... вот это размах, вот это ширище!

Коршан так расчувствовался, так растрогался, что слёзы уже готовы были хлынуть потоком из его глаз. Нам же почти удалось справиться с тошнотой, и только несчастный Юриник всё ещё резко выделялся на общем фоне жёлто-зелёным цветом лица с выражением великомученика, сосредоточенного на своих страданиях.

Коршан же продолжал неумоимо вещать, но уже менее эмоционально, нежели прежде, видимо, и у него потихоньку отлегла от сердца всколыхнувшаяся обида:

– И неизвестно, сколько мне пришлось бы обречённо скитаться, если бы не чудо – началась гроза и я, быстренько ополоснувшись под струями ливня, спрятался до утра под старым заброшенным сараем. Сиротливо забился там в самый дальний угол и страдал всю ночь. А, между прочим, ночи там холодные и промозглые! Корнезару-то хорошо было, он коварно отобрал у меня кров и мою долю тепла, подлец. За ночь я весь продрог до косточек, буквально окоченел, но ещё больше меня терзала обида – этот неблагодарный смерд не протянул мне руку помощи! Мне-е-е, который всегда... у-у-у!

Расстроенный Коршан, словно старый и многоопытный мазохист, ещё долго бы мог терзать себя, причитать, жаловаться и всхлипывать, вызывая у нас тем самым множественный рвотный рефлекс, если бы не новый человек, неожиданно вошедший в обеденный зал. Он-то и спас нас от чрезмерно затянувшихся излиятий никчемного обжоры.

* * *

Глава 2

Учительница по растениеведению

В зал вошла высокая и худощавая женщина весьма неопределённого возраста. Ей можно было дать как тридцать лет с солидным хвостиком, так и сорок с небольшим, едва заметным обрубком. Или даже, если хорошенько подумать, то и все пятьдесят, но только после сильного перепуга. Одно можно было утверждать с уверенностью и определённостью: переходный возраст и совершеннолетие у неё давно позади. Да, и такое иногда бывает! Особенно, если смотреть на подобную женщину, поддерживающую себя в хорошей физической форме не вблизи, а с некоторого расстояния! Как и получилось в данном случае. Коли человек каким-то чудным образом находит в себе силы и регулярно изнуряет свой организм как физическими, так и умственными упражнениями, следит за собой, а таких людей очень немного, тогда возраст определить на глаз бывает весьма и весьма затруднительно. А когда правда всё же вскрывается, то, как правило, бывает уже поздно, да и не суть важно. Это был именно такой случай.

У неё были тонкие правильные черты лица. Большие и выразительные тёмно-зелёные с болотным отливом глаза излучали тихий струящийся свет. Эти глаза в минуты гнева, должно быть, загорались страшным зловещим огнём и начинали метать молнии геенны огненной. Нос с небольшой, едва заметной горбинкой, лёгкий и приятный румянец на щеках. Кожа на лице и руках светлая, но не бледная, гладкая и нежная. На кистях рук просвечивались синевой витиеватые, чуть взбухшие венки. Волосы тёмные, с лёгкой серебристой проседью, собранные сзади в строгий тугий пучок. Одета она была в длинный тёмно-серый плащ свободного покроя с широкими свисающими рукавами и большим, откинутым назад капюшоном. На длинных стройных ногах высокие облегающие сапоги из плотного материала чёрного цвета на невысоком каблуке. Но, возможно, всё это лишь казалось благодаря умело подобранному покроя облачения, выставляющему все прелести в положительном свете, и умело скрывающему недостатки, коли таковые имелись. Что-то неуловимо приятное, но вместе с тем и хищное отражалось во всём её облике, некая неведомая непостижимая сила. Двигалась она грациозно и величаво, как дикая кошка перед прыжком. И весь её образ словно вопил: я занудная строгость, подкреплённая властным упорством, замешанным на изрядном ехидстве, густо приправленном отчаянным коварством. Чтобы иметь возможность вооружиться подобным букетом свойств и качеств, человеку просто необходимо обладать весьма значительными умственными способностями, что, в свою очередь, невозможно без богатого жизненного опыта. Такой мы впервые увидели нашу первую учительницу.

Вошедшая коротко кивнула головой и громко поздоровалась:

– Здравствуйте, я ваш учитель по растениеведению, зовут меня Томарана.

Голос тоже был не лишён приятности: низкий, грудной, чистый, без всякой хрипотцы.

Глядя на неё, мне подумалось, что для полноты картины не хватает большой метлы и ступы, в которой она сюда, по-видимому, и прилетела. Но, к сожалению, метлы не было, и ступы тоже. Очевидно, она пользуется каким-нибудь более практичным и современным средством передвижения.

Раздались редкие ответные приветствия. Не обращая ровным счётом никакого внимания на удивлённые и любопытные взгляды окружающих, она подошла к скатерти и, наклонившись как можно ниже, почти сложившись пополам, начала быстро шептать что-то непонятное. Если бы кто-то и находился в непосредственной близости от неё, то и тогда разобрать что-либо вряд ли представлялось возможным. Набрав целый поднос непонятных баночек и скляночек, в некоторых лишь на доньшке виднелась какая-то зелёная каша, она прошла к свободному столику недалеко от нас, по-прежнему не обращая ни на кого внимания. Расположившись,

принялась неспешно, но с огромным аппетитом поглощать всевозможные блюда, преимущественно из трав, изредка запивая их разными отварами и настоями. Лишь на одной тарелке у неё лежало что-то похожее на пирог с начинкой. Наверняка начинка была тоже из травы.

Мы, как замороженные, следили за этой удивительной женщиной, в то время как она медленно и с достоинством наслаждалась завтраком.

«Наверное, вегетарианка, – подумалось мне, – борется за здоровый образ жизни. И надо заметить, что вполне успешно! Нужно будет обязательно взять рецепты для моей мамы, ей наверняка понравится!».

Довольно быстро покончив с доброй половиной блюд, растениеведка привычным движением достала откуда-то из складок своего обширного плаща длинную, слегка изогнутую, не лишённую элегантности курительную трубку и как ни в чём не бывало раскурила её. Томарана невозмутимо попыхивала потрескивающим тускло светящимся угольком и пускала клубы сизого ароматного дыма. Словно причудливый паук сидела она среди тонких струящихся нитей, свивающихся в причудливые кружева и изгибающиеся узоры. Бесспорно, некоторым женщинам идёт курить, и Томарана была из их числа. Она курила трубку, задумчиво глядя в себя. Вокруг быстро начал распространяться весьма специфический запах, явно не табака, но неприятных ощущений он не вызывал, по крайней мере, пока. Интересно, что же такое она курит, надеюсь, не сушёные мухоморы?

Вдоволь накурившись, она привычным движением выбила трубку в освободившееся после еды блюдце и спрятала её в недра складок безразмерного плаща. Затем начала опять есть и пить, периодически что-нибудь смешивая, а иногда, будто неожиданно вспомнив что-то, порывисто доставала из таинственной глубины плаща небольшую книжицу и начинала быстро-быстро перелистывать пожелтевшие страницы, бормоча что-то себе под нос. Томарана была так увлечена делами, что окружающий мир для неё не существовал. Постепенно и присутствующие перестали обращать на неё внимание, привыкли, но изредка кто-нибудь украдкой всё же поглядывал в её сторону. Очень интересно было бы узнать, есть ли у неё семья? Но как это узнаешь? Не спрашивать же, в самом деле!

Ворон первым нарушил нависшее молчание и задумчиво произнёс:

– Да-а, вот это женщина! Как в смешной детской загадке про женщин, знаете? Нет? Ну, слушайте! Что есть в каждой женщине: небольшое, тёмненькое и сморщенное?

Мы недоумённо переглянулись, раскрыв от удивления рты, а Коршан, не дожидаясь нашего ответа, невозмутимо продолжил, задумчиво закатив при этом глаза:

– В каждой женщине есть изюминка! Ну, или почти в каждой. Так вот и с Томараной: как не верти, а есть в ней какая-то изюминка! И я бы сказал, что она в ней довольно крупная! Эх, был бы я человеком, обязательно пригласил бы её на ужин при свечах, зажарили бы мы с ней кабанчика или двух барашков, а там глядишь и...

Коршан вновь мечтательно закатил глаза, но вдруг опомнился, спохватившись, и запоздало смекнул, что малость заговорился. Он успел перехватить наши недоумённые взгляды и обиженно проговорил, будто оправдываясь:

– Да ладно вам, что тут такого? И нечего переглядываться! Когда я был человеком, то очень любил общаться с женщинами! Наверное, не меньше, чем есть мясо! И женщины меня очень даже любили. Правда, врать не буду, не все! Я был мужчиной на любительниц, их от меня в дрожь бросало и немилосердно трясло от восторга и нетерпения. Так-то! А как я, бывалочи, стариной своей тряхну, да приготовлю что-нибудь вкусенькое, так просто объедаешь! Как же они балдели, прямо за уши не оттянешь! Не оттянешь, как не старайся, ни за уши, ни за какие другие места! Это я вам говорю без шуток, на полном серьёзе! А может быть, когда-нибудь расскажу и поподробней, договорились? А уж после мяса они такое вытворяли! Но вам следует поскорей забыть то, что я сказал про Томарану! Это я не подумал и сдуру сболтнул лишнего. Вот когда-нибудь я вновь стану человеком и тогда обязательно закачу пир на весь

мир! А если вы будете держать язык за зубами и дальше вести себя правильно, то будете на том пиру почётными гостями! Так уж и быть, угощу вас тогда парой-тройкой моих самых любимых и коронных блюд и, очень даже может быть, подкину рецептик. А эта Томарана весьма необычная женщина, разве вы сами не видите?

С ним никто и не собирался спорить по этому поводу! На самом деле, обычного в ней было мало, можно сказать даже больше, обычным и не пахло вовсе! И всё же, чем это она набивает трубку?

Теперь подал голос Юриник:

– А кто будет вести у нас другие предметы? И когда придут остальные учителя, ведь завтра первый день занятий, если я не ошибаюсь?

Ворон оживился, видимо, обрадовавшись тому, что мы сменили тему разговора:

– О-о, у нас свои методы преподавания! А заключаются они в том, что вы будете изучать каждый предмет по очереди, отдельно и углублённо, а не все предметы поверхностно и одновременно, как бывает обычно. В этом и состоит главное принципиальное отличие. Лекции с раннего утра и до позднего вечера, сжатый курс, день за днём один предмет, в конце экзамен для тех, кто выживет, естественно.

Мы вновь недоумённо переглянулись, а он, будто ничего не замечая, продолжал:

– После экзамена погребение несумевших его сдать, заодно и небольшой, но заслуженный отдых. В это время ничегонедельня как раз и будет прибывать новый учитель. Отдых несколько дней, совмещённый с практикой по пройденным темам, разве это можно назвать делом? Так, баловство одно. Там ещё отсеются несколько человек. Но это никакая не беда, я вам буду помогать по мере возможности. Вы справитесь! Наверное... Может быть, даже все... Я так предполагаю. После отдыха ставшие уже привычными погребения, и только тогда начнётся новый курс. И так по кругу, сколько понадобится.

Мы, поражённые его рассказом и нашей дальнейшей перспективой, изумлённо уставились на него, а он, наглая носатая рожа, переминался с ноги на ногу, будто хотел в туалет и терпел, бесшумно трясясь от смеха. Смешно ему, видите ли, сделалось!

Немного успокоившись и смахнув крылом выступившие на бесстыжих глазах крокодилы слёзы, он сказал, восторженно и удовлетворённо всхлипывая:

– Да шучу я, шучу, но... видели бы вы свои лица... я не могу, хи-хи, хрю!

Пока мы слушали разглагольствования шутивного крылатого мешка, утыканного редкими перьями, Томарана закончила трапезу, отнесла посуду и поднос и удалилась такой же величественной поступью, как и пришла.

Нам также пора было заканчивать затянувшийся завтрак, пока он плавно не перешёл в обед и ужин. Потому-то мы последовали за Томараной, с удовольствием распрощавшись с Коршаном, который вновь остался нами очень доволен, чего нельзя было сказать о нас.

На прощание он с живым интересом осведомился:

– Разрешите полюбопытствовать, друзья мои, когда я вновь буду иметь удовольствие лицезреть вас? Когда вы соизволите явиться к обеду или ужину? Чтоб я хоть знал, сколько мне голодать придётся, с вашими-то несвоевременными походами?

На что мы скромно отвечали, дескать, сами ещё толком не знаем, как получится, но, в принципе, всё возможно, надежды терять ни в коем случае не следует. На том и распрощались.

Перво-наперво мы решили зайти в свою келью, но уже по дороге туда передумали и потому пошли сразу к выходу из Подземного города.

* * *

Глава 3

На поверхности

До люка-лепёшки мы добрались довольно быстро. Пока шли, дружно обсуждали недавние события, рассказ Коршана и Томарану, оказавшуюся на редкость необычной женщиной. С её преподаванием нам предстояло столкнуться уже завтра и при этом, по возможности, постараться выжить.

Оказавшись на месте, мы практически сразу нашли отверстие в стене под люком, аналогичное тому, куда Корнезар всовывал палку, чтобы открыть люк сверху. Мы знали, что именно нужно искать, но если бы не это обстоятельство, то неизвестно, сколько времени могло бы уйти у нас на поиск секрета, позволяющего сдвинуть люк и выйти на поверхность. На этот раз вместо корнезаровой палки отлично сгодился дормидорфов шест, с которым дед практически никогда не расставался. Носил так, на всякий случай, без особой надобности. Вот и представился подходящий случай им воспользоваться. Раздался знакомый щелчок, и Дорокорн одной рукой легко, словно пушинку, сдвинул в сторону кажущийся таким громадным каменный люк, открыв нам путь на поверхность.

В образовавшееся полукруглое отверстие тугим потоком хлынул свежий воздух с опьяняющими лесными ароматами и множеством разнообразных звуков. После замогильной тишины подземелья громогласная тишина леса просто оглушила нас: стрекот, щебет, пение и крики птиц, шум листвы, шорохи. Сам воздух, казалось, источал звук, смешанный с красками.

Один за другим мы выбрались наружу и потихоньку задвинули люк на место.

Стояло прозрачное летнее утро. Солнце ещё не пробудилось окончательно, пока только чуть приоткрыло один глаз, и потому было довольно прохладно и свежо, а в низинах виднелись клочья тающего тумана.

Мы решили спуститься к подножию холма и поставить там шалашиком несколько длинных сухих стволов поваленных деревьев. Это необходимо было сделать для того, чтобы импровизированный шалаш, как ориентир, был виден издалека. И уже с этого места двигаться только в одном направлении, дабы по возвращению не сбиться и не потерять хорошо замаскированный вход. Двигаться решили навстречу солнцу, на восток, а, следовательно, возвращаться нужно будет на запад. Как задумали, так и сделали, тем более, что небольших сосенок здесь валялось целое множество. Они лежали там и тут с облупившейся от времени и непогоды корой, сверкая светло-серыми боками плотной древесины, изъеденной, словно причудливыми узорами, ходами жуков-короедов. Сухие и лёгкие стволы одно удовольствие собирать, например, для костра, вместо того чтобы рубить растущие живые деревья, особенно, когда нужно заготовить большие запасы дров на ночь. Горит сухойстой хорошо, слов нет, но быстро, а потому, если нужно поддерживать огонь как можно дольше, в костёр просто необходимо подкинуть два-три сырых полена потолще, а уже их как следует обложить сухими дровишками. И тогда, даже если огонь и угаснет совсем, то под этими поленьями, как правило, сохраняются живые угольки, и стоит слегка раздуть их и подложить веточек, как весёлые огоньки пламени заиграют вновь, распространяя тепло и уют.

Интересно, почему здесь так много поваленных сосенок? Скорее всего, когда сосна вырастала до определённого размера и корни уже не могли удержать тяжести её кроны, она падала под воздействием своего веса. Верхний слой земли здесь хоть и был плодородным, но не был достаточно глубоким, и корням просто не за что было хорошенько зацепиться. Ведь сразу под относительно неглубоким плодородным слоем начиналась та плотная светлая порода, в которой, словно в сыре, были проделаны ходы, залы и галереи Подземного города. А так как мы сейчас находились приблизительно в верхней трети гигантской возвышенности,

то и плодородный слой, естественно, неминуемо смывался вниз по склону дождями и сдувался ветрами, скапливаясь у самого подножия. Кстати, у подножия деревья росли намного крупнее и гуще.

Пока мы собирали стволы и ставили шалаш, Дорокорн успел поспорить с Юриником, как скоро мы повстречаем амекарцев или лесных людей, кого раньше, и что они нам скажут при этом хорошего.

– Да амекарцы наверняка уже сто раз, если не больше, пожалели, что ввязались в это дело! Они же смелые только, когда их много и они вооружены, а тут ведь всё наоборот, да ещё, в придачу, это не их территория. Подмоги-то ждать неоткуда! – убеждал Дорокорн маловерного друга. Но, видя весьма пессимистический настрой Юриника, недвусмысленно отображённый на лице одного, он, не удовлетворившись этими аргументами, продолжил напор с новой силой. – Наверняка они разбили где-нибудь в укромном месте лагерь и трясутся там от страха, как зайцы во время наводнения. Уж мы-то отлично знаем, как люди леса могут ужаса поднапустить, испытали это блаженство на собственной шкуре! Тут уж им, касатикам, вовсе не до охраны будет, самим штаны бы не обмочить, да ноги подбру-поздорову унести. Ну, что ты всё головой крутишь? Не так, что ли, скажешь?

– Естественно, скажу, что всё не так! Амекари знали, куда идут, а значит, имели возможность подготовиться, а иначе, коли хорошенько подумать, зачем им было соглашаться и лезть в эту авантюру, что они, враги себе? Ну, зачем?

Дорокорн тут же возразил, перебивая друга и смешно пуча глаза:

– Как зачем? А-то ты, бедненький, позабыл! А за золотом? У них же культ золота! Ну что ты, как маленький, в самом деле, Юриник? Или прикидываешься... зачем, зачем?

Юриник отпрянул в сторону, словно ударенный в грудь волной праведного гнева! Он тут же, не медля, отреагировал:

– Какую ты сейчас несёшь ахинею и околесицу! И сам ты маленький! Тебе и прикидываться для этого не надо! Только ты маленький не размерами, а тем, что помещается в голове. Прямо сущий ребёнок, ни дать ни взять – дитя несмышлёное! Ещё и распищался здесь, всю округу переполошил! Вон, посмотри, от тебя даже белки с барсуками шарахаются, только мы способны терпеть твой голосок, но чего нам это стоит!

И Юриник закатил глаза к небу и сложил руки ладонями вместе на уровне груди, а через секунду продолжил, но уже более снисходительно:

– Возьми себя в руки, успокойся, наконец! Хочешь, возьми мой носовой платочек, поиграй, а заодно и вытри носик.

Дорокорн только довольно улыбался в ответ, прекрасно понимая, что стоит ему молвить сейчас слово против, и поток юриниковых «веских» контраргументов вновь польётся на него, как из рога изобилия. Потому он лишь улыбался, скромно помалкивал и сопел себе в две дырочки.

Вскоре мы закончили с шалашом и отправились, как и было задумано, на восток. Через некоторое время Юриник, шедший первым, предостерегающе поднял левую руку вверх, а правую засунул под плащ, где у него, как известно, был арбалет.

Лес, по которому мы продвигались, был довольно редким и потому видимость превосходная. Метрах в ста пятидесяти, прямо по ходу, было заметно какое-то, пока непонятное движение, к тому же до нашего слуха долетала необычная возня и подозрительный скрежет, как будто кто-то рыл землю с мелкими камушками, скрежеща по ним железными лопатами. Развернувшись в цепь, мы осторожно стали приближаться к непонятному источнику шума.

Каково же было наше удивление, когда, подойдя поближе, мы увидели долгожданных амекарцев.

– Ну что, глупыш, значит, говоришь, они разбили лагерь в укромном месте и трясутся от страха? Хорош бы я был, если бы безоговорочно верил тебе на слово! – победоносно и занос-

чиво шипел неугомонный Юриник, специально для этого подойдя вплотную к удивлённому Дорокорну.

Дорокорн же, практически мгновенно оправившись, в свою очередь ехидно отвечал ему:

– Нет, не трясутся, и лагерь не разбили, ну и что из того? А разве ты не видишь, чем они занимаются? Или теперь ты станешь убеждать меня в том, что это они так отважно охраняют Подземный город?

Действительно, творилось что-то неладное. Амекарцы явно не дрожали, но и ничего не охраняли. Мы решили осторожно подкрасться поближе и попытаться разобраться что к чему.

Одни из них усердно выкапывали лунки, что-то туда засовывали и закапывали, другие рассаживали близко растущие деревья и кустарники, остальные тоже не сидели, сложа руки, делали, надо думать, что-то полезное, но нам пока было плохо видно. Чудеса, да и только! Мы сошлись в кучку для того, чтобы решить, как нам быть дальше и что делать? Дормидорф первым делом промолвил:

– Не верю своим глазам! Я, конечно, предполагал увидеть что-то не совсем обычное, но не до такой же степени! Прямо ударная бригада по озеленению леса! А озеленять лес – это уж слишком, тем более для злобных амекарцев!

Мы вполне разделяли его искреннее удивление и недоумение, но факт оставался фактом. Посовещавшись, мы решили пройти в непосредственной близости от них и посмотреть на реакцию, не съедят же они нас, а там уже будем действовать по обстановке.

Так и сделали. Амекарцы продолжали усердно трудиться на благо местной флоры и фауны, учтиво отвечая на наши настороженные приветствия кивками своих воспалённых голов, чем ещё больше поразили нас.

Мы, стараясь выглядеть простачками, праздно шатающимися от нечего делать по этим диким лесам, как ни в чём не бывало проследовали мимо них. Пусть себе думают, что мы вышли за хлебом или ищем табачный ларёк. К нашей искренней радости и вопреки ожиданиям с нами ровным счётом ничего не произошло, нас даже и не собирались останавливать, никому не пришло в голову хотя бы для вида поинтересоваться о цели нашей прогулки, и потому мы просто были вынуждены идти дальше. Не спрашивать же у них самим, в конце концов, обиженным тоном: «А не сошли ли вы с ума, чудотворцы, сажать деревья в лесу вместо охраны, охоты на животных и аналогичных тупоумных увеселений, так свойственных прогрессирующей олигофрении?».

В недоумении мы всё шли и шли вперёд. Чокнутые работяги амекарцы, понуро тыкая в землю лопатками, остались далеко позади и уже скрылись из виду, когда перед нами открылась чисто убранная полянка. Причём следы уборки носили явно свежий характер. Приятно поражала вскопанная и аккуратно разровненная земля на месте, где недавно, судя по всему, пылал огромный костёр – видны были угли, много углей вперемешку с землёй. Заботливо и похозяйски сложенные в виде скамеечек свежесрубленные брёвна будто приглашали присесть и отдохнуть после дальней дороги. Не меньше радовала глаз, словно причёсанная или подметенная трава вокруг – травинки чуть прижаты к земле и наклонены в одну сторону, только что не покрашены в зелёный цвет, до этого пока не дошло! Мы решили сделать здесь привал и обсудить создавшееся, не вполне понятное положение. Дормидорф, по традиции, начал первым:

– Трудно предположить, что этих невежд замучила совесть и они повсеместно, где напортили и напакостили, вдруг решили навести порядок и чистоту. Следовательно, их кто-то принудил это сделать. Заставить их могли либо силой, либо внушением на подсознательном уровне. Сила исключается, ибо столь блаженных лиц и пустых взглядов за короткое время физическим воздействием вряд ли можно добиться, для этого требуется более длительный срок.

– Да-да! – перебил Дормидорфа Дорокорн. – Я обратил внимание, они ходили, будто из-за угла пыльным мешком пришибленные.

– Вот именно, – продолжал дед. – А раз так, то легко можно предположить, что пришибли их именно лесные, которые увидели, как амекарцы, по своему обыкновению, разбушевались и разгулялись не на шутку в их лесу! А незваный гость, как известно, хуже амекарца! Когда же этот гость и есть амекарец по сути и образу мыслей, то остаётся лишь поражаться терпению и выдержке местных жителей. Лично я на их месте уже давно бы вывернул этих гостей мыслями наружу и состриг лишнее.

– А нам-то что теперь делать? – поинтересовался Юриник.

Ему тут же с язвительной улыбкой ответил Дорокорн, только и ждавший, когда этот несчастный задаст хоть какой-нибудь вопрос:

– Как это, что делать? Вот скажи мне на милость, почему ты всё время ждёшь указаний? Ну, подумай хоть разочек сам! Нам ведь нужно встретиться с лесными людьми, чтобы составить план совместных действий. Знаешь, каких именно, или напомнить?

Юриник утомлённо вздохнул, закатил глаза и медленно повернулся в сторону говорившего:

– Надоел ты мне со своими нравоучениями... ох, и допрыгаешься у меня сегодня, чуёт моё сердце! Вот встретимся с людьми леса, обязательно попрошу их воздействовать на тебя. Чтобы ты стал моим слугой, а ещё лучше – служанкой, тогда хоть твой звонкий голосок перделывать не придётся!

– Ладно, хватит язвить, давайте вызывать лешего или лесовика. Они должны знать, где искать лесных, – урезонил спорщиков Дормидорф.

Он встал и, отойдя немного в сторону, заговорил:

– Лесовик, явись, коль слышишь меня!

Так он повторял несколько раз, потом некоторое время ждал, потом опять повторял и ждал, повторял и ждал.

Мы, честно говоря, уже отчаялись увидеть лесовика. Жаль, конечно, но, видимо, опять придётся иметь дело со зловредным обманщиком лешим. Похоже, что и дед не желал терять надежду увидеть именно лесовика и упрямо продолжал звать его. Неожиданно налетел резкий порыв ветра, Дормидорфа аж закачало из стороны в сторону, как в песне тонкую рябину. Вокруг деда взвился вихрь из хвои, пожухлых листьев и травинок, разметав полы его плаща. Ветер так же резко стих, как и начался, и... ничего. Вопреки нашим ожиданиям никто не появился.

Дормидорф негодуяще развёл руками и с сожалением проговорил:

– Я знаю, что лесовики живут очень долго. Местный самый старенький и дряхленький из них и, вполне возможно, что у него, к моему глубочайшему сожалению, неприятности со слухом, потому он и не слышит, как мы его тут даже не вызываем, а вежливо просим явиться!

Не смотря на эту маленькую хитрость ничего не изменилось, никто не появился. Но Дормидорф и виду не показал, что расстроен. Он терпеливо продолжал:

– Надо же, какая неприятность! Неужели правда? Я уже давно слышал, но не верил, думал, кто-то наговаривает на честных и трудолюбивых лесовиков. Будто в одном дальнем лесу лешие, псы шелудивые, отобрали-таки у горемычного и старенького лесовичка всю силу и огромную власть его над лесными угожьями! Отобрали, собаки, и стали сами править тем несчастным лесом!

И опять тишина. Лесовик, зла на него не хватало, упрямо не желал появляться. А Дормидорф, молодец, так же упрямо не сдавался.

После минутного молчания он заговорил вновь:

– А ещё говорили, якобы в том самом лесу произошло и вовсе невозможное: древний лесовик шустро бегаёт теперь у леших на посылках! И ему это даже нравится! Вот как бывает!

– Да иди ты! Ах ты, говорушка бородатая, что энто ты свистишь-то, быть того не может! Шишку покрупней тебе в ноздрю или ещё куда, сам придумай! – раздался негодующий старческий голосок. – Ну, чего ты плетёшь, неразумный? Ты, малыш, энто, ври, ври, да не завирайся! А то сейчас как возьму хворостину, да и почешу тебе спину! Отхожу вдоль и поперёк, как миленького!

Из-за берёзы вышел невысокого роста седой старичок. Потрясая от переизбытка эмоций сучковатой клюкой, он не переставал говорить. При этом борода его, которая доставала до пояса или даже ниже того, ходила ходуном. Периодически, чтобы она ему не мешала, старик привычным движением забрасывал её свободной правой рукой за левое плечо, но через мгновение она опять вываливалась оттуда и продолжала путаться и мешать.

Лесовик, а это был именно он, распаясь от этого ещё пуще, выпалил:

– Окстись, сынок, лешие, они токмо ж фулюганить горазды да с лешачихами куролесить, ну, ешо в прятки-догонялки играть! Вот скажи мне на милость, куды-шь им, сердешным, лесом-то править? Кто энто им, шалопутным, позволит так безобразно приступить закон? Нету у них на то никакого образования и призвания! Ну, сознайся, сынок, энто ты уж слишком загнул, по простоте душевной!

Довольный сверх всякой меры появлением лесовика, Дормидорф отвечал всё же сдержанно:

– Да, действительно, слегка переборщил. Так сказать, перегнул хворостину. Нам просто необходимо с тобой поговорить, вот я и пошутил, чтобы ты скорее отозвался.

– Э-э, так вы, братцы, оказывается, шутники! Значица, извольте любить шуточки, ха-ха-ха! Одобрю! Я вас, касатики мои, теперича повеселю-у! – произнёс лесовик совершенно серьёзным, даже зловещим многообещающим тоном.

От этого мне стало как-то не по себе. Вдруг он решит, что мы очень нуждаемся в его шутках и прикажет лешим с лешачихами повеселить нас от души? А как веселятся лешие, я уже слышан! Спасибо огромное! Мне и домового, который вечно мешает спать, вполне достаточно! Что-то не очень хочется плутать кругами по лесу до глубокой старости. Ничего весёлого в этом не нахожу!

Видя наше замешательство и, видимо, насладившись им досыта, лесовик удовлетворённо хмыкнул и сказал уже другим, потеплевшим, голосом:

– Хм, да ладно вам, я ведь тоже шуткую, вы что, касатики, шуток не понимаете, что ли? Давайте-ка лучше рассказывайте, какое у вас дело до меня, а то я шас был очень занят, играл в шахматы с Парамоном. Да, выигрывал, между прочим! А это, знаете ли, очень трудно! Эх, жаль, оторвали вы меня, а то я ему сейчас мат-то уж всенепременно бы влепил.

– А кто это, Парамон? – поинтересовался Дормидорф.

– Парамошка? А это сотник у лесных, шустрый такой малый! Ему палец в рот не клади, отгрызёт здесь же! Оттяпает за милую душу по самое не балуйся и даже не поморщится! Он таков! Это ж вам не хухры-мухры, а целый сотник, раскудрить его в пень! Сорванец ещё тот! Уж я-то его давненько знаю. Вот, бывалочи, когда он ещё сопливым мальчишкой бегал, помню, помогал строить добрым людям в одном лесном селении избушку, так... ой-ёой, я не могу, прям, как вспомню этого обормота... этого прохиндея, так потом полдня хи-хи-каю и икаю, трррр-р... и-ик!

Дормидорф, услышав, что лесовик только что от лесных, да ещё и в хороших отношениях с их сотником, прервал его:

– А мы как раз и разыскиваем лесных людей по важному срочному делу, вот хотели у тебя спросить, ведь ты знаешь, что творится в лесу?

– Это верно, я обо всём в лесу ведаю! Хотя ты давеча и утверждал обратное, – подтвердил лесовик и продолжил. – Я-то знаю, где сейчас лесные, но вам до них ходу больше суток будет и то, коли шибко поторопитесь. Они как вчерась тутушки порядок навели, образин амекарских приголубили, сучок им в глаз, так и пошли дальше по своим житейским делам. А сюда вернутся не раньше, как дней через пять, коли, конечно, ничего непредвиденного не произойдёт. Но вы можете передать со мной любую весть для них, уж я-то всё передам в лучшем виде, будьте за это спокойны, мне всё равно к ним нужно в шахматы отыгрываться.

Мы решили последовать совету лесовика и сделать так, как он предлагает. Дормидорф вкратце посвятил его в наши планы.

Лесовик сразу же проникся всей серьёзностью ситуации:

– Понял, ждите, я скоро, одна нога здесь, другая там! Ну, держись, Парамошка, близок твой час!

Растворившись в воздухе, он унёсся с лёгким порывом ветра.

– Вот и хорошо, что так всё получилось, а то я, было, потерял надежду его дозваться, – облегчённо вздыхая, сказал Дормидорф.

Ему тут же отвечал Юриник:

– Он там сейчас ещё и за шахматы засядет! Чего это ему отыгрываться приспичило, коли он говорил, что выигрывает? Вот ведь хвастун лесной, небось продулся там в шахматы в пух и прах! И ещё неизвестно, согласятся ли они нам помогать!

В разговор вступил Дорокорн:

– Конечно, согласятся! Ещё и благодарить будут! Вот зачем лесным, скажи на милость, терпеть у себя под боком эту шайку-лейку? К тому же, организовавшую какую-то подозрительную школу? Ты же сам видел, как они запросто расправились с амекарцами, а враги наших врагов – наши друзья!

– Видеть-то видел, но это произошло в их лесу, а спускаться в Подземный город они запросто могут и отказаться, – отвечал Юриник, глубокомысленно почёсывая затылок.

– Да почему это они должны отказываться? С какой стати, я у тебя спрашиваю, с какого перепуга?

– Ну, откуда я знаю, почему? Отчего ты ко мне прилип, словно банный лист к партийному органу? Мало мне в последнее время неприятностей через тебя досталось, что ли? Вот ещё свербишь тут, как репейник под хвостом! Пойми, наконец, я просто предполагаю.

– А мне твои предположения до лампочки, они мне совершенно не интересны! Не знаешь наверняка, не говори, а просто молчи громче, так и норовишь каждый раз настроение мне испортить!

Прошло уже минут десять, лесовик не появлялся. Не иначе, как действительно решил в шахматинки сыграть, поэтому от нечего делать мы с дедом продолжали слушать словесную перепалку наших друзей.

После небольшой паузы Дорокорн не выдержал и вновь начал приставать к Юринику с разговорами:

– Нет, интересно, с какой стати они могут не захотеть спускаться в Подземный город?

Юриник «терпеливо» отвечал:

– Отвяжись, не знаю я, может быть, им не понравится твой голосок, а там, под землёй, его ещё и эхо будет усиливать.

– В лесу тоже есть эхо!

– Есть, но не такое сильное, как под землёй.

Дорокорн начинал сердиться:

– Главное, чтобы они к мохнатым малышам хорошо относились, голос ведь вовсе не беда. В крайнем случае, я могу и учтиво помолчать, а вот вызывающую короткоростость так просто и сиемоментно не исправишь!

Юриник встрепенулся:

– Можешь учтиво помолчать, так помолчи, потренируйся, пока есть время и возможность.

Дорокорн отвечал уже более миролюбивым тоном, глядя в упор на Юриника широко раскрытыми и часто моргающими глазами:

– Не вижу, кто это тут всё разговаривает? Лягушонка в болоте, что ли, квакает али комаришка какой в лесу пищит?

На них было так комично смотреть, что мы с Дормидорфом не выдержали и рассмеялись.

Наконец вновь налетел порыв ветра, как перед первым появлением лесовика. Наш смех сразу стих сам собой. Как только ветер успокоился, а листья ещё не успели, плавно покачиваясь в воздухе, упасть на землю, из-за берёзы не спеша вышел наш лесовичок. Мне ещё представилось, что у него вместо поношенной фетровой шляпы с опущенными полями на голове огромная шляпка от белого гриба, тогда бы я точно словно в сказке себя почувствовал.

Лесовик подошёл поближе и говорит:

– Рассказал я всё Парамону, он вас ещё несколько дней назад заметил, когда вы шли с вороном и каким-то чахликом. Парамоша передаёт большой привет с наилучшими пожеланиями, а на счёт помощи велел передать вот что...

* * *

Глава 4

Что поведал лесовик

И лесовик поведал нам занимательную историю.

Оказывается, то, что мы считали Подземным городом, всего лишь малюсенькая прихожая к нему. А вход в настоящий Подземный город находится в школе. Только вход этот уже множество лет так хорошо скрыт от постороннего глаза, что не зная его точного местонахождения, можно проходить мимо сто раз, но найти его так и не удастся.

Всё это было крайне интересно для страстных любителей головоломок, но мы не совсем понимали, какое отношение это имеет к вполне конкретной просьбе о помощи и совместных действиях против наших будущих одноклассников. Мы-то размышляли вполне логично: раз наши цели на данном этапе целиком и полностью совпадали с целями лесных людей, то и действовать сообща было бы само собой разумеющимся делом. Но перебивать старичка-лесовичка всё же не решались. А ну как он сочтёт это за грубое неуважение к своим умудрённым лесным опытом сединам и ещё, чего доброго, ненароком осерчает до невозможности? Что тогда? Прозябать всю оставшуюся жизнь в окрестностях этой милой полянки и давить песняка в плясках вокруг костра? И это в лучшем случае, а про худший и думать не хочется. Вполне возможно, что лесной дед и вовсе пропадёт, тогда плакали наши надежды на скорое завершение дела. Нет уж, лучше помолчим и послушаем, к чему-то ведь он всё это говорит! Возможно, скоро мы поймем смысл его занимательных речей.

И лесовик без помех продолжал свой рассказ тихим утомленным голосом:

– Но, как не крути, а именно вам, мои весёлые и пока неунывающие друзья, как раз и придётся, хотите вы этого или нет, найти этот вход!

«Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» – подумал я, но вида не подал. Так, видимо, досадовали и крепостные, лишившись в этот день возможности переходить от одного помещика к другому. Ничего себе! Найти вход, который уже кучу лет так мастерски скрыт! Это сколько времени нужно угрохать, если такое вообще возможно? Вот обрадовал, дедуся, так обрадовал! А может, опять шутит?

Мы были в недоумении, и немудрено! Видя наши озадаченные разочарованные лица, невозмутимый, словно индейский шаман под мухоморной настойкой, лесовик даже и бровью не повёл, а вместо этого преспокойно предложил рассказать нам очередную историю. Что-то его прорвало сегодня на истории, от которых наша дальнейшая жизнь обещала сделаться ещё более весёлой и, главное, полезной! В свете этих событий мы начали переживать, как бы это безобразие у местного затейника лесовика не вошло в дурную привычку! Играл бы себе в шахматы и играл, так нет же, извольте, послушайте историю!

Из его рассказа мы узнали, что в настоящем Подземном городе испокон века живёт тот ещё народец, герониты, дальние предки которых когда-то давно его и построили. По крайней мере, принимали в том очень активное участие. Но точно, как всегда, никто ничего не знает. Это зачем-то, только непонятно зачем, хранится множество лет в глубочайшем секрете. Вот любят же некоторые понапустить таинственности где надо и где не надо, а другие потом страдай и расхлёбывай всю эту кашу дырявой ложкой.

Известно лишь, что когда-то очень давно, во времена, уже сильно поросшие мхом, имела место некая любовная история между дочерью вождя геронитов и юношей из племени Лесных Людей. «Ну, так я и знал, что без бурных любовных страстей нигде и ничего не происходит!». Закончилась же эта история тем, что она ушла к своему единственному и неповторимому, бросив, как и предполагалось, всё на свете и вопреки воле отца, который после этого закрыл возможность доступа в Подземный город охотников до любви извне.

Ну, и правильно сделал! Это ещё папаша оказался настоящим добрячком, другой бы на его месте этого дела так просто не оставил, и я не взялся бы его осуждать. Родителей следует слушаться!

К вражде между племенами эта история, конечно, не привела, но и к особой дружбе тоже. Говорят, что потомки влюблённой парочки здравствуют и по сей день. Но связь с ними у лесных людей прервалась ещё несколько поколений назад, да никто, судя по всему, особенно и не стремился её поддерживать. Влюблённые ушли странствовать по свету и растворились в огромном мире. Никто не знает, где они нашли своё пристанище и где находятся их потомки, лишь знают точно, что таковые имеются. А откуда знают – тоже не знают! Вот такая вышла путаная история!

Герониты, со слов лесовика, люди невысокого, даже маленького росточка, обладающие могучим голосом и повышенной растительностью, равномерно распределённой по всему телу как у женщин, так и у мужчин, а попросту – племя людей, отличительной особенностью которых является обильная волосатость. «Кого-то мне всё это сильно напоминает!». Они, как и лесные люди, предпочитают жить обособленно от всех и только в крайнем случае идут на контакт с другими.

Это довольно воинственный и смелый народ, умеющий постоять за себя. Между Лесными Людьями и Геронитами существует давний нерушимый договор, смысл которого вкратце сводится к тому, что ни те, ни другие не смеют заходить на территорию друг друга без официального приглашения. И только в случае серьёзной опасности это соглашение может быть нарушено без предупреждения. Так вот, где собака зарыта! В данный момент такой смертельной угрозы не существует, по крайней мере, Парамон её, к всеобщему сожалению, не видит. Лесные люди будут рады помочь нам, и они уже отправились в путь, поспешно собрав шахматы, но прямое нападение на воспитанников школы возможно лишь при одном условии: если мы сможем выманить наших сокурсников на территорию леса. Или нам необходимо будет получить разрешение у подземного народа на проход лесных людей на их территорию. Иначе нам придётся искать помощи у геронитов. В любом случае нам предстоит немало попотеть, прежде чем мы найдём заветный тайный проход, ведущий к волосатым малоросликам.

Нам в подмогу Парамон может дать один добрый совет: вход к геронитам находится в самом неожиданном и очевидном месте. Если нам удастся его найти и пройти через него в настоящий Подземный город, то мы сразу наткнёмся на их пограничный пост и останется самая малость, объяснить им ситуацию, и дело сделано: маленькие волосатики с удовольствием вышвырнут всех незваных гостей на поверхность. Тут уж и лесные люди смело смогут вступить в дело.

Такая перед нами стоит задача, а потом уже будем разбираться и решать, что с ними делать. Кстати, один из вариантов: поскорее превратить учеников школы гадостей в честных и праведных тружеников леса, без устали облагораживающих овраги и просеки. У нас перед глазами есть наглядный пример подобных трудовых подвигов. Амекарцам, конечно же, ещё предстоит некоторое время позаниматься полезной трудовой деятельностью, а затем их, перевоспитанных, отпустят домой. Но радует одно обстоятельство: они не останутся такими моральными калеками, какими были до этого.

Парамоша, добрая душа, желает нам удачи и скорейшего обнаружения прохода. Сам же он со своими людьями через сутки прибудет сюда и расположится лагерем неподалёку от люка. «И, небось, примется снова до одурения резаться в шахматы с местным лесным дедом!». Нам же останется только подать условный сигнал. А сигнал на этот случай был придуман такой: неожиданный и истеричный крик петуха! И Парамон со всей своей компанией тут же незамедлительно ринется к нам на помощь. Мы удивлённо переглянулись – откуда в лесу петух, да ещё, в придачу, истерик? Кто сумел так подорвать его крепкое здоровье? Такое возможно разве после неожиданной встречи с шутником-лесовиком, остервенело играющим в шахматы

с Парамоном, где игральная доска – это вскопанная по всем шахматным правилам лужайка, а фигурами являются озеленители амекарцы, переодетые и покрашенные, как положено!

Позже лесовик признался, что шутил. Никаких указаний по поводу условного сигнала ему дано не было, но самому лесовику было очень интересно посмотреть на реакцию Парамона, когда он услышал бы в своём родном лесу истеричный петушиный крик. Вполне возможно, что Парамон решил бы, что мы окончательно спятили от повышенной мозговой активности, которая потребовалась от нас для поисков тайного прохода. Честно говоря, рехнуться от подобных заданий дело обычное, этим, мне кажется, никого не удивишь. Реакция же Парамона могла бы быть совершенно непредсказуемой. Ну, а потом во всём обвинили бы его, ни в чём неповинного лесовичка! И потому старый проныра и шутник не захотел рисковать и был вынужден рассказать нам истину. А она заключалась в том, что в самый критический момент, когда нам действительно позарез нужна будет помощь лесных людей, они сами это увидят и не заставят себя ждать.

На этом лесовик закончил свой увлекательный рассказ, так осложнивший нашу жизнь. Мы поблагодарили его за помощь, и он ветром улетел по своим важным лесным делам, пригрозив напоследок, что будет внимательно следить за нами и, как только у нас выдастся свободная минутка, обязательно и всенепременно сыграет с кем-нибудь из нас в шахматы.

Мы потихоньку тронулись в обратный путь, сохраняя тягостное молчание. И ещё некоторое время переваривали услышанное.

Нарушил молчание Дормидорф:

– Да уж, воистину нам удача кажет зад! Сдаётся мне, ситуация вновь осложняется. Ума не приложу, как и где мы будем искать этот тайный вход-проход! Хорошо ещё, что у нас есть свой домовый. Быть может, у него что-нибудь получится, ведь он так любит всякие тайны и секреты. Да и проникать сквозь стены ему тоже очень нравится. Наверняка он не откажет нам в любезности и согласится оказать неоценимую услугу своим друзьям, а заодно удачно совместит приятное с полезным.

Теперь заговорил Юриник:

– Что же это за самое неожиданное и очевидное место такое? Чувствую, придётся нам поучиться в этой школе, по крайней мере, пока будем искать потайной вход.

Произносил он это без особенного сожаления, скорее даже наоборот, как-то недвусмысленно поглядывая на Дорокорна и загадочно улыбаясь. Дорокорн отлично понял намек Юриника, но «бой» не принял, видимо, берёт силы на обратную дорогу и предстоящую учёбу. Или просто расстроился, что наш поход опять затягивался на неопределённое время. В общем, бедняга Дорокорн окончательно упал духом, всем своим видом показывая, что он огорчён до невозможности. Мне даже стало его немного жаль, правда, и всех остальных тоже, и себя в том числе. Но Дорокорн почему-то выглядел самым несчастным среди нас. Видимо, именно поэтому злорадный Юриник сейчас и ликовал.

Через некоторое время Юриник радостно произнёс, всем своим видом показывая, кто здесь настоящий мужчина, неунывающий ни при каких, даже самых тяжёлых обстоятельствах:

– Да ладно тебе, не унывай так, дружище. Слышишь меня, Дорокорн? Я к тебе обращаюсь. Что уж так сильно убиваться, не понимаю.

Дорокорн помрачнел от этих слов ещё сильнее на потеху расхорохорившемуся Юринику.

И тогда Юриник решил проявить трогательную заботу, зайдя с другого бока:

– Дорокоша, дорогой, ты, пожалуйста, не пугай меня так, я начинаю переживать за тебя не на шутку! Может быть, не приведи леший, у тебя что-нибудь заболело? Ведь я-то моментально заметил, что как только ты услышал о предстоящей учёбе, то сразу сдулся, как мыльный пузырь. Ну, просто сразу! Уж не голова ли пошаливает от предстоящих, не свойственных

тебе умственных нагрузок? Откройся мне. Я обещаю заботиться о тебе и помогать, ну, скажи, что у тебя болит?

Дорокорн нехотя, как будто через силу, отвечал, вовсе не разделяя оптимизм друга:

– Ничего у меня не болит. Спасибо тебе, конечно, огромное за твою трогательную заботу.

Ничего страшного, дружище, не переживай за меня.

– Не-ет, я так не могу! Я переживаю, очень переживаю! Почему у тебя такой замогильный голосок и плачевный вид? – не унимался Юриник, чувствуя себя на вершине блаженства.

– Понимаешь ли, Юриник...

Юриник насторожился и слегка напрягся в предвкушении казавшегося таким безграничным счастья, а Дорокорн, тем временем, проговорил смиренным и кротким голосом:

– Боюсь, понимаешь ли, помереть...

– Что такое, почему? Так уж сразу и помереть? Как же это? Ну, не отчаивайся, не покидай нас раньше времени, всё ещё, может быть, будет хорошо, – снисходительно утешал друга млеющий от удовольствия Юриник.

А Дорокорн робко продолжал, потупив взор:

– Хорошо уже никогда не будет. Да, я боюсь помереть, к чему скрывать? Помереть от смеха!

Юриник тут же, в мновение ока переменялся в лице.

– Я, мой дорогой Юриник, буду очень серьёзно опасаться за свою жизнь, когда увижу толпу волосатых и басовитых коротышек вроде тебя! – на полном серьёзе, не меняя прискорбного выражения лица, произнёс Дорокорн. – Надеюсь, ты, разлюбезный, не собираешься сам безвременно покинуть нас и остаться навсегда жить под землёй в вечном полумраке со своими точными копиями?

Обескураженный поворотом дела Юриник открыл, было, рот, но, предчувствуя подвох, не нашёлся сразу, что ответить, и потому промолчал. Вместо ответа он лишь презабавно шевелил губами и играл мохнатыми бровями.

Теперь уже не унимался Дорокорн, он рьяно пошёл в наступление по всем правилам тактики и стратегии развивая успех:

– Главное, заботливый ты наш, будь осторожен, а то какая-нибудь волосатая басистая красотка влюбится в тебя по уши и оставит навсегда у себя в подземелье.

Настал черёд Юриника погрузнеть. Пока он мучительно искал, что ответить, дабы не ударить лицом в грязь, Дорокорн продолжал:

– Только пойми меня правильно, в свете вновь открывшихся обстоятельств возникает необходимость принять некоторые меры, исключительно в твоих же интересах.

Юриник удивлённо взглянул на друга и наострил уши в ожидании продолжения.

И Дорокорн пояснил:

– Нам просто необходимо тебя как-то пометить! Никогда себе не прошу, если нам вместо тебя подсунут какого-нибудь другого малепусенького мохнатенького геронитика. Мы ведь все так привыкли именно к тебе, дружище! Да ты и сам это прекрасно знаешь. Но вдруг, а такое ведь вполне возможно, случится непоправимое, и мы сразу не распознаем подмену? Ведь вы, подземные жители, наверняка как две капли воды похожи друг на дружку! Но всё же есть в этом тёмном деле одна светлая сторона, которая не может не радовать...

Юриник ещё больше насторожился, а мы едва сдерживали улыбки.

– Теперь ты должен быть счастлив, ибо наконец узнал истинную историю своих предков. Скорее всего, та развесёлая девушка, посмевавшая пойти против воли родителей и всего своего народа, и есть твой прямой предок. Но я её ни в коем случае не осуждаю, совсем даже наоборот! Я очень благодарен ей и признателен, ведь если бы она в своё время не улизнула из отчего дома, то у меня не было бы такого заботливого и верного друга.

Вся эта пламенная речь была сказана Дорокорном на одном дыхании и на полном серьёзе, без тени улыбки, и тем забавнее это выглядело. Понятное дело, мы с Дормидорфом хохотали вовсю. Дорокорн же мужественно держался до тех пор, пока не взглянул на унылое и, казалось, слегка осунувшееся лицо Юриника. Контраст между его теперешним выражением лица и тем, что было какую-нибудь минуту назад, был настолько разительным, что мы с Дормидорфом уже задыхались, давясь от смеха.

Вся наша компания так развеселилась, не исключая Юриника, который вскоре присоединился к нам, что дурное настроение как рукой сняло, и дорога обратно показалась гораздо короче.

Вскоре мы дошли до того места, где повстречали работающих амекарцев, вставших на путь истинный. Они успешно закончили здесь свои дела и ушли наводить порядок дальше, оставив после себя, как и подобает честным и благородным людям, чистоту и порядок.

Немного погодя в поле нашего зрения появился шалаш. А вот и люк-лепёшка. Перед тем, как открыть его, мы условились как можно внимательнее осматривать каждый выступ и каждую впадинку. Вдруг достаточно будет всего-навсего куда-нибудь слегка надавить, и какая-нибудь стенка отъедет в сторону?

– Вообще, герониты очень хитро придумали, – начал Дормидорф, мудро прищурившись и покачивая головой, по своему обыкновению приглаживая и вновь лохматя бороду. – Это что же получается? Кто бы ни искал Подземный город, он, не зная его точного входа, сможет найти только люк-лепёшку. И то, если повезет. Может быть, даже сумеет открыть его, спустится по ступеням, пройдёт туда-сюда, насколько хватит сил и времени, поплутает по коридорам, тоннелям, лабиринтам, поплутает... и успокоится. Коли, конечно, не заблудится. Обманной-то город совершенно пустой. А о том, что есть ещё настоящий Подземный город, практически никто не знает, разве только мы, лесовик да лесные люди.

– Да уж, – сказал я, – у нас на такой случай существует мудрая пословица: что знают двое – знает и свинья.

Дорокорн согласно закивал головой и сказал, пренебрежительно ухмыльнувшись:

– Это ты точно подметил! Свиньи, они ведь все, собаки, крайне любопытны, всё им необходимо знать, везде сунуть своё поросычье рыло! А потом, заразы, обязательно разболтают всем, что вынюхали! Всем, кому только можно и кому нельзя! По секрету всему свету. Уж я-то сколько раз их на этом ловил! И чего я только при этом не делал: и просил, и уговаривал, и в пятак давал, и в противоположное место тоже! Так нет! Всё равно трепяты! Бывало, как приложишься от души по мягкому месту, любопытная поросыч как заверещит, всхрюкнет, но уже через пять минут языком своим, словно помелом, мелет и мелет! Ну, правильно, он-то ведь без костей! Поэтому я всегда, прежде чем говорить на какие-нибудь секретные темы или делать что-то серьёзное, тщательно осматриваюсь по сторонам, а не притаилась ли где в укромном местечке какая-нибудь пакостная, злобная и любопытная свинья?

– Да я не к тому, что свиньи болтливые... У нас-то всё не так, как у вас, и свиньи не умеют чесать языками. Хотя среди тех, кто говорит, свиней тоже навалом, хоть пруд пруди...

– Ничего я не понимаю из того, что ты сейчас тут наговорил! Ну, вот скажи на милость, причём здесь пруд, зачем его прудить, когда мы о свиньях с тобой разговариваем! – перебил меня Дорокорн. – Так умеют они у вас говорить или нет? Ты уж как-то определись! Они что, все немые, что ли? И водоплавающие? Живут-то в прудах? Шутишь ты опять, что ли? Так не бывает!

– Да не то, чтобы немые, но и не говорящие, а плавать... не знаю.... Умеют, наверное. Да это я не свинью имел в виду, когда говорил про свинью, а... Ладно, потом как-нибудь разъясню, не сейчас.

Отчаявшись объяснить все премудрости наших пословиц и сложности наших «свиней», водоплавающих на яхтах и сухопутных, сидящих в кабинетах и шатающихся по улицам, и разъ-

езжающих в машинах, я обречённо махнул рукой на это неблагодарное занятие и с опаской, предвидя новые вопросы, сказал как можно проще:

– А ну их в баню, шут с ними со всеми, свиноподобными!

Все вновь с состраданием и соболезнованием посмотрели на меня, но спрашивать ничего не стали, чтобы окончательно не запутаться. Да я и сам подумал: «причём здесь баня?». А что, разве я виноват в том, что пословица есть про свиней и поговорка про баню?

Открыв люк, мы медленно спускались по ступенькам, тщательно осматривая всё вокруг. Но ничего не обнаружив, плотно закрыли его за собой и двинулись в нашу комнату. Всё вокруг казалось уже знакомым и родным.

* * *

Глава 5

Домовой получает секретное задание

Дойдя до своей кельи и не встретив по пути ни души, мы утомлённо расселись на удобные старинные стулья, гордо стоявшие вокруг большого круглого стола.

– Ну, а теперь, я думаю, необходимо вызвать домового.

Не успел Дормидорф закончить фразу, как на середине стола вдруг начала расти странная шишка. Медленно, но неудержимо она увеличивалась в размерах и постепенно приобретала знакомые очертания Максимкиной наглой косматой головы. Ну, шишок, он и есть шишок, ничего тут не попишешь. Головешка эта без малейшего зазрения совести, довольно улыбаясь, сообщила нам, что очень рада нашему возвращению, что она уже устала бездельничать и не прочь слегка поозорничать, как впрочем, и всё тело, находящееся в данный момент в надёжном, практически недосыгаемом для нас укрытии, под столом.

Мы обрисовали ему ситуацию и объяснили, что нуждаемся в его помощи, необходимой нам в поисках потайного прохода в настоящий Подземный город. Начинать нужно от самого люка и планомерно обыскивать всё до тех пор, пока проход не будет, наконец, найден.

– Вас понял, славный предводитель домоводства, разрешите приступать? – по-военному чётко отрапортовал Максимка, озорно помигивая глазками расплывшемуся в довольной улыбке Дормидорфу.

– Пожалуйста, изволь, приступай скорее. Только уж будь любезен, чтобы тебя никто не увидел! Сделайся, пожалуйста, невидимым, заодно и нам неприятностей меньше будет.

– Не будет, – обречённо и негромко проговорил Юриник.

– Есть, так точно, всё будет исполнено в лучшем виде!

Говоря это, домовой, медленно развернувшись к Юринику, стал потихоньку приближаться к нему, грозно глядя в глаза. Мы же видели только плывущую по столу с всё увеличивающейся скоростью его всклокоченную голову. Строя грозные гримасы и медленно растворяясь, она направлялась напрямиком в грудь обречённого Юриника. Ощущение было такое, будто Максимкина голова вплыла внутрь его тела, словно волосатое пушечное ядро, и растворилась там. Зрелище необычное, но, в принципе, ничего особенного.

Дормидорф устало заговорил:

– Ладно, давайте немножко отдохнём, а потом пойдём подкрепимся и с нашим вороном заодно повидаемся. Он наверняка соскучился. Может, нам повезёт, и мы узнаем у него что-нибудь важное. Нам ведь в ближайшее время всё равно делать нечего. Пока Максимилиан будет искать проход, мы совершенно свободны.

Так и поступили. Разлеглись, удобно растянувшись на кроватях. Оказалось, мы очень сильно устали. Так часто бывает: вдруг понимаешь, как сильно вымотался лишь тогда, когда завалишься отдохнуть и расслабишься. Или понимаешь, как ты проголодался, лишь когда начинаешь есть.

И то верно, встали мы сегодня рано, долго ходили по лесу, надышались освежающего лесного воздуха, да и отдыхали последнее время не совсем полноценно, урывками! Неудивительно, что через несколько минут все крепко уснули. Дрыхли, словно суслики в норах, только храп стоял.

А я лежал и слушал себя. В теле медленно образовывалась приятная слабость, словно лёгкое, воздушное покрывало окутывало всё вокруг уютной пеленой. Желанное умиротворение и покой, медленно разливаясь, заполняли собой все уголки впадающего в забытие разума. Чувства, ощущения и звуки потихоньку затихали где-то в непроглядной дали. Безразличие и вакуум. Вдруг сознание, словно прекрасная трепещущая бабочка, расправило свои огромные

невесомые крылья. Подхваченное тёплым ласковым ветерком грёз, оно полетело, кувыркаясь, с всё увеличивающейся и неудержимо нарастающей скоростью навстречу прекрасному, родному, долгожданному. От восторга захватывало дух и кружилась голова.

И вдруг, словно обухом по этой самой восторженной голове! Великолепие резко прекратилось и меня рывком, спасибо хоть не пинком, вернули в суровую действительность. Сразу начало слегка подташнивать, а мгновением позже бросило в жар. Я с сожалением и растущим раздражением открыл глаза и услышал ехидное, до боли знакомое похрюкивающее хихиканье. Домовой, как всегда, был в своём репертуаре, а это был именно он, собственной каверзной персоной. Наглая рожа, мохнатая бестия, шишок на ровном месте! Прямо-таки никакого зла на него не хватает! У меня зачесались руки от острого и неудержимого желания схватить его за розовенькое волосатое горло, затем слегка, но всласть похрустеть этими зловредными, каверзными косточками, хорошенько встряхнуть и ещё придавить пару раз посильнее. Это же надо! Испортить мне такой сон, просто уму непостижимо! Не лезет ни в какие ворота! Но нечеловеческим усилием воли мне удалось заглушить и перебороть в себе это естественное желание. Хотя ничего плохого в нём, на мой взгляд, не было, да и для профилактических целей домовому это бы не помешало.

Мокая заговорщицки пыхтел мне прямо в ухо и, препротивнейше щекоча меня своей распушенной волоснёй, что-то возбуждённо бубнил и бубнил, бубнил и бубнил... Наконец мне удалось собраться с мыслями и до меня начал доходить смысл его слов:

– Я всё нашёл почти сразу! Всё нашёл, какой я молодец, да-а?

– Да-да, да-а отвяжись ты, молодец! И иди уже, наконец! – отвечал я, пытаюсь хоть немного отодвинуться в сторону от этого чуда в волосьях. Но не тут-то было, он здесь же вновь подполз поближе! Вот ведь какое навязчивое существо! Словно прилип ко мне, как банный лист... не важно, к чему.

Отчаявшись отлипнуть от него, я недовольно пробурчал сквозь зубы:

– Ну ты, прямо, явный разудалый молодец, каких мало! И что ты в очередной раз нашёл?

– Что просили, то и нашёл. Старался ещё, из кожи вон лез! А они в ответ бурчат мне тут недовольно сквозь зубы! Цедят тут ещё, словно на врага народа. Это кому? Мне! Вместо заслуженной и искренней благодарности. Что же это такое делается? Сами просят, и сами же потом и недовольны. Лицо ещё, с позволения сказать, воротят! Смотри мне, я ведь в другой раз не посмотрю, что ты пользуешься моей незаслуженной благосклонностью!

Тут я, наконец, понял, что он нашёл проход. А его последние слова – это не что иное, как строгий выговор мне за грубость и невнимательность. Получить выговор от домового, каково, а? Где ещё найдёшь такую диковинку?

Но я-то, конечно, был виноват перед ним, дело ясное, и, чтобы хоть как-то загладить вину, сказал примирительно-извиняющимся тоном:

– Молодец, конечно, молодец, я просто не сразу понял спросонья! Извини, пожалуйста. И где же он, этот проход?

– Ладно, так и быть, на первый раз извиняю. Но гляди у меня на будущее, чтоб больше не шипел. Вот я и говорю, что я молодец. А ваш потайной проход находится прямо под лестницей, идущей от входного люка. Там имеется большой просторный лаз и из него бьёт яркий свет, прямо из-под ступенек. Только как его открыть, я так разобраться и не смог, может, там секрет какой хитрый есть, не знаю. Облазил всё вдоль и поперёк, можно сказать, не щадя живота своего, и понял, что лестница устроена, как детские качели. Знаешь, такая длинная широкая доска, а посередине опора, обычно бревно. Там опорой служит не бревно, но принцип тот же: лестница должна наклониться в другую сторону. Её низ должен стать верхом, а верх – низом, и проход открыт.

В этот момент мне показалась странной и непривычной его манера изъясняться. Как будто его словарный запас пополнился новыми, несвойственными ему словами и выраже-

ниями. Может быть, даже наверняка, это следствие того, что он, сидя в своей трубке, слушает нас, когда захочет, и мотаает услышанное на ус, а это явно идёт ему на пользу. Вот хитрец какой, эдак он со временем станет первым учёным домовым.

А высокоинтеллектуальный домовый в это время продолжал:

– Кумекал я, кумекал, на что нужно нажать или за что дёрнуть для достижения желаемого результата, но, к моему глубочайшему сожалению, так и не дошёл, вернее, не сумел разобраться до конца в данной оригинальной конструкции.

«Вот понахватался-то, – восхитился я про себя ещё больше, – мыслимо ли, даже сам себя поправляет!».

– Я, по вашему настоянию, начал осмотр с самого начала и сразу нашёл.

Он ещё долго с упоением мог бы повторять мне свой восхитительный рассказ, если бы от его чрезмерно возбуждённого шипения не проснулись Дорокорн с Дормидорфом. Я хотел, было, разбудить и Юриника, но домовый умолял меня ни в коем случае не делать этого.

Уж не заболел ли он? Ладно, всякие там культурные выражения, это ещё можно понять, но заботиться о безмятежном сне? И кого, Юриника? Это, по-моему, явный перебор! Наш домовый сходит с ума, его нужно спасать!

И только я хотел поделиться своими опасениями со всеми, как всё разрешилось само собой и у меня на душе сразу стало легче. Оказалось, что Максимка очень хотел лично разбудить Юриника и получить от этого незабываемое удовольствие в награду за свою неопределимую помощь.

Он устроил из этого целое представление. Вежливо попросил нас помолчать в течение пяти минут, а то мы можем, дескать, всё испортить, и тогда счастливое и радостное пробуждение не получится, а получится сплошной конфуз, но этого допустить никак невозможно. Да нам и самим было интересно узнать, что задумал этот мелкий пакостник. И потому мы спорить не стали, замолчали и поудобнее расселись на стульях, расставив их возле кровати Юриника, но не очень близко, а на безопасном расстоянии, мало ли что. Конечно, мы остановили бы домового, начни он делать что-нибудь из ряда вон выходящее, как в случае с чёрным котом.

Ничего не подозревающий Юриник изволил безмятежно почивать на правом боку.левой рукой он нежно обнимал скомканный край одеяла. Тихо и мирно посапывал, изредка причмокивая губами, как будто пробуя на вкус какое-то изысканное блюдо.

Эти звуки напомнили мне мою милую жёнушку, которая имеет подобную привычку, так называемый «синдром сна рьяного повара». Бывало, лежишь и мучительно пытаешься заснуть, но не получается. А она самозабвенно посапывает рядом и по всему видно, смотрит уже минимум десятый сон. И только вот-вот оно, долгожданное забытьё, но не тут-то было! Вдруг она как начнёт прямо мне в ухо причмокивать! Да ещё так долго, будто тщательно что-то смакует. Аж смех разбирает! И, естественно, уже не до сна. А спать, вроде бы, давно пора. После долгих экспериментов и опасных для жизни испытаний я всё же нашёл способ, как остановить этот кулинарно-женский произвол. Остановить, к сожалению, лишь на время, до следующего приступа. И тут уж необходимо постараться успеть заснуть или придётся повторять весь опасный обряд заново. Опасен же он тем, что существует хоть и небольшая, но вполне реальная вероятность нежелательного пробуждения. Со всеми вытекающими последствиями. Рецепт чрезвычайно прост: я нежно, чуть касаясь, вожу ей по губам пальцем. Видимо, ей становится щекотно, она тут же смешно и обижено, по-детски поджимает их, одновременно с этим чмокание прекращается. Может быть, это вызывает какой-то другой сон, где нет необходимости пробовать что-то на вкус, но это уже не важно. Главное, что желаемого эффекта не нужно ждать долго, он наступает сразу же.

Пока я предавался воспоминаниям, домовый начал действовать. Он шустренько залез под юриникову кровать, затем потихонечку, очень аккуратно просочился сквозь неё и занял место скомканного края одеяла, так нежно обнимаемого нашим другом. Получалось, что спя-

щий заботливо обнимает нашего обормота, возлежащего на левом боку лицом к лицу с ним. Некоторое время ничего не происходило, пока Юриник вновь не начал чмокать. Максимилиан, недолго думая, проделал то же самое, что и я со своей женой. Поводил своим, далеко не нежным волосатым заскорузлым пальцем по губам Юриника. Чмокание тут же прекратилось. Правда, и равномерное дыхание спящего тоже! Он вообще перестал дышать. Зато его глаза резко распахнулись и уставились прямо в лицо якобы давно и крепко спящему домовому. Мы замерли, с интересом вытянув шеи и наблюдая за разворачивающимся представлением. А посмотреть-то, могу вас уверить, было на что!

Постепенно в широко раскрытых глазах Юриника начало появляться некоторое осмысленное выражение. Одновременно с этим его брови стали хмуриться, а глаза распахиваться ещё шире. Хотя шире, казалось, уже некуда! В ближайшие секунды они, судя по всему, планировали вывалиться из орбит прямо на Моксю. Но дыхание Юриника пока не восстановилось. Видимо, всю шёл некий мыслительный процесс.

Неожиданно его грудная клетка начала медленно подниматься, а лицо приобрело выражение человека с мухобойкой, который загнал в угол и собирается прихлопнуть надоевшую до чёртиков жирную зелёную муху. Юриник набрал полные лёгкие воздуха и в тот самый момент, когда его дыхание вновь замерло, а мышцы резко начали своё сокращение, домовой, хихикнув, пропал. Как будто его и не было, прозвучал лишь шлепок, словно лопнул воздушный шарик.

Юриник, рыча и тиская в объятиях пустое одеяло, завалился на пол. Мы тоже обязательно последовали бы его примеру, если бы не позволили душившему нас смеху наконец-то вырваться наружу.

Засоня понял, что его опять ловко обвели вокруг пальца, обиженно уселся на кровать и укутался с головой в своё горячо любимое одеяло. Только лицо оставил снаружи. Так и сидел, словно живой укор, мерно покачиваясь из стороны в сторону, изредка глупо улыбаясь и иногда кивая головой, будто удивляясь каким-то своим потаённым мыслям.

Наконец мы пришли в себя. Произошло это не так быстро и не так легко. Стоило кому-нибудь хоть немного успокоиться и с превеликим трудом взять себя в руки, как взгляд падал на остальных, да ещё цеплял Юриника, и начиналось всё сначала. Потом другой неимоверным усилием воли овладевал собой, снова короткий взгляд на соседа – и всё повторяется.

Придя всё же в себя, наперебой принялись рассказывать Юринику, как всё это было с самого начала. Ну и смеялся же он! Надо заметить, никак не меньше нашего. Когда же Мокся появился недалеко от стола, робко и смущённо покашливая, всем своим видом показывая, что это была всего лишь дружеская шутка и ничего больше, мы замерли в тревожном и томительном ожидании. Но Юриник и не думал обижаться, видимо, махнул рукой на этого неисправимого волосатого субъекта и уже начинал привыкать к его не всегда безобидным шуткам и розыгрышам. Что ж, очень прискорбно осознавать это. Чует моя селезенка, придется самому потряхнуть стариной и преподать примерный и показательный урок этому избалованному свое нравному сказочному мужичку. А для начала мне стало очень интересно, читал ли он книжку «Тысяча и один не съеденный пряник»?

Максимилиан ещё раз самым подробнейшим образом рассказал, теперь уже всем нам, где и как он нашёл потайной проход, и что этот лаз собой представляет. Затем мы начали размышлять, каким образом можно было бы попытаться его открыть, но так ничего путного и не придумав, решили пройтись посмотреть на месте. Может быть, тогда у нас появятся хоть какие-нибудь варианты. Необходимо только сначала, дабы не вызывать ни у кого подозрений, а особенно у ворона, пообедать. Тем более, мы уже давно нагуляли аппетит. Наспех приведя в порядок комнату и пригласив домового залезть обратно в трубку, мы отправились в обеденный зал.

Как только мы свернули в коридор, ведущий к залу, тут же налетели на Корнезара, чуть не сбив его с ног. От неожиданности он шарахнулся в сторону. А едва успокоившись, с укором сказал:

– Что-то вы не торопитесь, а зря, нет у вас совершенно никакого сострадания к бедной и несчастной маленькой птичке.

– О чём это ты, Корнезар, уж не галлюциногенов ли грибных ты отведал сегодня?

Мы не поняли сразу, кого он имел в виду, какая ещё такая несчастная маленькая птичка, да ещё и которую способен пожалеть сам Корнезар! Уж кого-кого, а ворона совместить с этими эпитетами нам не пришло бы на ум никогда.

– Как о чём? – искренне удивился он, – несчастный Коршан все ноги себе, наверное, уже истоптал! Словно наскипидаренный бегаёт перед входом туда-сюда, туда-сюда! Скоро тропинку протопчет в каменном полу, дожидаясь вас. Он, горемычный, настолько не в себе, что даже меня спокойно мимо пропустил, не стукнув и не клюнув, как это обычно у него заведено. А о чём это говорит? – спросил он с явным интересом.

– О чём же, интересно узнать?

Корнезар, самодовольно ухмыльнувшись, радостно пустился в объяснения:

– А говорит это о том, что он оголодал до невозможности и ни о чём другом, кроме еды, думать не способен. Время обеденное, все вокруг едят всякие вкусные блюда, и у Коршана начался активный процесс в организме, который всегда у него начинается перед кормёжкой. А еды-то нет! Пища в его подготовленный организм, извините, так и не поступает! И вас тоже нет, вот он и нервничает. Так что вы уж, будьте любезны, поторопитесь, не испытывайте чрезмерно его терпение, пока он не осерчал окончательно.

И мы поторопились, внемля его просьбе, а Корнезар, ехидно улыбаясь, отправился дальше по своим важным делам.

И действительно, перед самым входом в обеденный зал, словно часовой, чеканя шаг, маршировал ворон. Узрев нас, он радостно закаркал с неизменным утино-пороссячьим акцентом, захлопал крыльями и, суетливо приплясывая, бросился навстречу.

Коршан явно прибывал в сильнейшем эмоциональном возбуждении. Он проговорил ворчливо и нараспев:

– Ну-у, наконец-то! То-то же, явились не запылились, не прошло и восьми часов. Где же, позвольте полюбопытствовать, вас носило? Сколько, скажите на милость, вас ждать? Вы что, занимались какими-то важными делами? Что-то не похоже! Ну, взгляните, что творится! Уже конец обеда, между прочим, а у меня ни маковой росинки, ни кусочка мяса во рту ещё не было! Это же ни на что не похоже, это же никуда не годится, доложу я вам! Это понимать же всё-таки надо!

Нам с трудом удалось успокоить этого разбушевавшегося пернатого чревоугодника, урезонив его тем, что он сам же себя и задерживает, а заодно и нас. А ведь мог бы давно наслаждаться жареной с чесноком куриной ножкой, утиной грудкой или гусиным крылышком.

На что ворон капризно заявил, но уже без малейшей тени раздражения:

– Предпочитаю наслаждаться куриной попкой! Она намного превосходит гусиную, утиную или какую-либо другую. Я имею в виду, по своим вкусовым качествам. Нет ни неприятного привкуса и послевкусия, ни тёмного цвета, да и по мягкости куриная намного нежнее всех остальных. К тому же, когда я был ещё совсем ребёнком, мой добрый и умный дядька нередко говаривал мне, что у тех, кто часто употребляет в пищу куриные попки, очень хорошо растут волосы. Да-да, они становятся на редкость вьющимися и на загляденье кучерявыми и шелковистыми.

Потом ворон, немного подумав, поправил себя:

– Не кучерявыми, а кудрявыми! А это, по-моему, большая разница. Глотать куриные попки вполне можно и без хлеба. Не удивляйтесь, прошу вас, милостивые государи, не удивляйтесь.

Но мы никак не могли последовать его совету и были немало удивлены.

Коршан тем временем продолжал, наотрез ничего не желая замечать:

– Я ведь, друзья мои, всегда был изысканным гурманом. Да-а, сколько помню себя, с самого раннего детства! Ну, не могу я есть абы что, и всё тут, ничего не могу с собой поделывать. Видимо, во мне сказывается врождённый аристократизм и недюжинная породистость личности.

Мы безмолвно тарасились на ворона, заливавшего так самозабвенно без всякого, даже самого малейшего зазрения совести. Кто бы мог подумать, что его словарный запас столь разносторонен и способен изобиловать изречениями, подобными прозвучавшим сейчас? Хоть нас несколько удивили гастрономические пристрастия тайного породистого аристократа личности, но мы предусмотрительно не стали дальше поддерживать этот, безусловно, занимательный и совершенно бесполезный разговор.

Мы просто направились к скатерти заказывать себе и ворону обед. Когда Коршан услышал, что я специально для него заказал целое блюдо обжаренных с корочкой куриных попок в сметане и с зелёным лучком, то его неописуемой радости не было предела. Он прямо весь засветился изнутри, засуетился и сделался на редкость учтивым, милым и вежливым до умопомрачения.

Ничего особенного за время обеда не произошло. Наевшись досыта, мы распрощались с вороном, который предпочёл остаться слизывать с блюда вкуснейшую сметанку, как он сам выразился: «не пропадать же добру!»! Да и Корнезару как раз до омерзения не нравился луковый запах, и чесночный аромат тоже был ненавистен. А это, естественно, означало лишь одно, что необходимо будет сегодня, а лучше прямо сейчас пошептаться с ним о чём-нибудь очень важном. Удовольствие от этой содержательной беседы с уха на ухо как раз и станет достойным десертом для бедненькой птички.

Оставив ворона подлизывать сметанку с луком, мы отправились напрямик осматривать загадочную лестницу. Что касается меня, то я гораздо с большим удовольствием предпочёл бы поваляться ещё хоть немножко, хотя бы полчаса на кровати, задрвав повыше ноги. Но дело есть дело.

Вскоре мы были на месте. Подробнейший и самый придирчивый осмотр лестницы ровным счётом ничего не дал. Мы самым тщательнейшим образом осмотрели и обшарили каждый миллиметр ступеней, стен и потолка: нигде ни щелки, ни дырочки, даже лезвие ножа некуда просунуть, не говоря о каких-то явных указаниях на то, как открыть потайной лаз. В общем, самый дотошный осмотр ровным счётом ни к чему не привёл, как впрочем, и следовало ожидать.

Мы упёрлись лбами в стенку в прямом и переносном смысле, как совершенно правильно сказал Дормидорф. Повисла гнетущая тишина. Все напряжённо раздумывали в поисках выхода из создавшегося положения. Думали мучительно, но тщетно.

Некоторое время спустя Доркорн первым нашёл возможный путь решения задачи и радостно сообщил об этом:

– Слушайте, чего тут думать, всё ведь проще пареной репы! К чему нам головы-то ломать? Почему мы не можем попросить нашего разудалого домового проникнуть туда?

Мы встрепнулись, а он своим пальцем-колбаской ткнул в сторону лестницы и продолжил:

– Да-да, и ничего тут особенного нет, нужно только проникнуть и всё честно рассказать геронитам. И тогда они, как пить дать, сами откроют проход изнутри или, по крайней мере, расскажут домовому, как это сделать нам.

Юриник тут же подхватил идею друга и радостно поддержал её двумя руками, к нашему искреннему удивлению:

– Отличная идея! Да-да, на этот раз я совершенно согласен с Дорокорном! Да к тому же, раз смельчак-домовой с таким успехом начал это дело, ему, вне всякого сомнения, надлежит и закончить его! А уж мы-то как потом будем им гордиться! Станем всем рассказывать, какой он у нас доблестный и смелый, прямо героическая личность, ни дать ни взять!

Все охотно согласились с ним, справедливо рассудив, что мысль сама по себе неплохая и вполне может сработать. По крайней мере, это гораздо лучше, нежели нам всем лазить здесь на карачках без пользы для дела.

Мы решили поскорей отправиться в свою комнату, чтобы не светиться здесь лишний раз и уже там, в спокойной обстановке, уговорить наше секретное оружие, Максимку. Всем нам почему-то казалось, что для шустрого и находчивого домового не составит особого труда пробраться по ту сторону лестницы и выполнить задание. Мы были в этом совершенно уверены, но оказалось не всё так просто.

Когда мы, радостные, пришли в нашу комнату и уселись за стол, я по знаку Дормидорфа достал свою курительную трубку и зачем-то потёр её ладонью сбоку, видимо, перепутал по аналогии с волшебной лампой. Затем подчёркнуто вежливо попросил домового явиться к нам по очень важному делу. А в ответ тишина. Ни ответа, ни привета! Ну, ладно, с первого раза он не появился, может, чем-нибудь был занят. Но он и со второго раза тоже совершенно игнорировал нас!

Тогда Дорокорн сказал, выражая мнение всех присутствующих:

– Да-а, что-то в этот раз Максимка не очень торопится к нам на помощь! А вот раньше, бывало, его и звать не надо, он сам всегда спешил к нам на выручку, как и подобает настоящему и верному другу!

Мы все закивали и негромко утвердительно замычали в знак согласия.

Немного помолчав, в надежде, что домовый всё же одумается, устыдится и выйдет, в конце концов, навстречу будущей славе и успеху, Дормидорф выдвинул робкое предположение:

– Что-то это не очень похоже на нашего домового. Быть может, с ним что-нибудь случилось?

Ему на это незамедлительно ответил Юриник:

– Вот именно, что случилось! Пряников он объелся и теперь неудержимо страдает медвежьей болезнью! Или у него воспаление хитрости, ведь к геронитам под лестницу лезть, это не мелочь по карманам тырить! Да испугался наш отважный Максимилиашка и теперь сидит и трясётся в своей пепельнице мелкой дрожью. А ещё друг называется, в кровать ко мне лезет!

Мы все, конечно, понимали, что Юриник предположил наиболее вероятный вариант. Также нам было понятно, что мы опять оказались в тупике. Как открыть проход мы не знали, а тот, кто мог нам помочь, пропал без вести и молчит как рыба об лёд! Неужели придётся сидеть в этом подземелье вечно, а в придачу ещё и учиться? Но унывать нельзя, что-нибудь обязательно придумается, надо только лишь пытаться...

Нависло напряжённое молчание.

– Что ж, – нарушил его Дормидорф, – нам пока ничего другого не остаётся, как учиться в этой школе и самим пытаться продолжать искать возможность проникнуть в Подземный город. Не будем терять надежды, а там обязательно что-нибудь придумается.

Опять Дормидорф говорит моими мыслями, подумал я, никак не могу привыкнуть к этим его штучкам. Наверное, он уже успел прослушать все наши мысли. А, может, просто совпадение.

Вдруг Юриник, в это время ближе всех находившийся к выходу, настороженно поднял указательный палец, призывая к тишине и вниманию. Мы прислушались. Сначала ничего не было слышно, кроме стука моего сердца. Надеюсь, что другие его не слышали. Хотя кто его знает? Оно, казалось, сейчас вот-вот выскочит из груди. Потом послышалось шарканье ног. Будто старое приведение, бродящее по подземным коридорам, решило навестить нас, чтобы слегка попугать, так, от нечего делать. Тем временем звук приближался, а мы смотрели во все глаза на вход в комнату.

И оно появилось! Неторопливым шагом, издавая эти самые шаркающие звуки, в проход вошли удивительно мягкие, ручной работы тапочки!

– Ну и где же вас носило? – недовольно спросил Юриник, обращаясь непосредственно к ним. – И куда подевался ваш непутёвый хозяин?

Что-то слегка зашипело, и в тапочках появился довольный домовый.

Юриник вздрогнул, ловко изображая испуг, домовый аж засветился от радости. Тогда Юриник и говорит ему:

– Ох, напугал, так напугал! Тебя не поймёшь, улыбочивый наш, то тебя не дозовёшься, а то вдруг сам являешься, без приглашения, да ещё и пугаешь всех до полусмерти! Я, например, до сих пор весь дрожу, как осиновый лист или дорокорнов голосок по весне!

– Хи-хи, а вы меня звали, что ли? Значит, я вам очень нужен, да? Кто бы мог подумать!

– А то ты не слышал, да? – передразнивая его, спросил Юриник. – И где же ты был? Ох, не у меня ты в трубке живёшь, а то бы я тебя выкурил, жертва никотиновой зависимости!

И домовый, немножко поломавшись, но только так, для приличия, начал свой рассказ:

– Когда вы, то есть мы были ещё там, на лестнице, и не могли найти, каким образом её перевернуть, я услышал краем уха, что вы хотите попросить меня проникнуть туда и поговорить с геронитами. Хотя я их и немного побаиваюсь, но всё же решил помочь вам! Вы ведь меня знаете, я ради вас в расшлепок, а не то, что с какими-то там юриниковыми родственниками пообщаться. Это-то мне запросто!

Юриник вздрогнул, как будто его кто-то неожиданно пихнул коленом под рёбра, и сконфуженно засопел. Но надо отдать должное, пока ещё он находил в себе силы героически терпеть, черпая их, видимо, из каких-то скрытых резервных источников. Мне так думается, что если мы всё же проникнем к геронитам, то терпением ему придётся запастись про запас и надолго. Мы-то с Дормидорфом ладно, а вот Дорокорн с домовым крови у него попьют всласть. И ещё неизвестно, кто больше. Главное, чтобы им не пришлось в голову устроить соревнование. Будем надеяться, что сами они до этого не додумаются, а подсказать пока некому, а мне некогда.

Домовой, довольный собой до невозможности, продолжал:

– Когда вы ушли, я решил остаться и смело проник под лестницу. Сами понимаете, какой мне был смысл, зная, о чём вы хотите меня попросить, топтать сюда, а потом опять шкандыбать туда... Ноги-то у меня не казённые!

Мы внимательно слушали, не перебивая, и домовик продолжал:

– К тому же мне и самому было очень интересно узнать, что там таится под лестницей. А ещё хотелось посмотреть, как вы поступите, когда я не приду на ваш зов. Небось расстроились? А Юриник вообще, наверное, плакал! И даже, судя по выражению его лица, вполне может быть, что и рыдал навзрыд! Зато теперь, когда я пришёл, вы возрадовались! Должен же я вам и радость иногда доставлять! А особенно моему лучшему другу и почитателю всех моих неисчерпаемых талантов, Юринику, ведь мы с ним даже постель иногда делим! Ему ведь ничего для меня не жалко! Ну-у, вы и сами всё это прекрасно знаете, были, так сказать, очевидцами.

Отвлечения от темы лишали нас всякого терпения. Но мы молча ждали, не перебивая.

– Ладно, я продолжаю. Из-под лестницы идёт широкий коридор, переходящий в огромную пещеру. Из этой пещеры и исходит яркий свет, который я видел в прошлый раз. Но я

даже и представить себе не мог, что эта самая пещера таких гигантских размеров. Вы не поверите – конца-края не видно! А перед самым входом в неё притаились в надёжных укрытиях несколько вооружённых геронитов. Ха-ха! Наивные! Думали, что я их не замечу! Заметил, и ещё как! Я же всё и всегда замечаю и даже запоминаю, да вы же меня и сами прекрасно знаете, и, смею надеяться, сугубо с самой лучшей стороны! Ну до чего же они, горемычные, доложу я вам, похожи на кое-кого! На одного моего очень хорошего знакомого! Ох, и произдевалась же над ними судьба, как природа над черепахой! Гм, кхе-кхе, хотя ладно, сейчас не об этом.

Сопение Юриника вновь усилилось, только теперь он ещё начал усердно жевать губы и нервно при этом морщиться, как от навязчивой и изматывающей зубной боли. Дорокорн предусмотрительно молчал, всем своим видом показывая, что совсем ничего не понимает и вообще это его не касается никаким боком. Он только изредка, когда Юриник не видел, подёргивал бровями, быстро приподнимая и опуская их, будто говоря этим: «Подождите-подождите, то ли ещё будет! Вот уже совсем скоро у нас намечается великий праздник – долгожданная встреча с геронитами.

Тогда-то уж только держись, повеселимся на славу, я ему ещё устрою «дрожу, как дорокорнов голосок»! Я этому геронитообразному Юринику всё припомню вдвойне. Он у меня узреет небо в алмазах!». Юриник же в это время сосредоточенно рассматривал малюсенькую дырочку на своём бывалом плаще. Затем он робко поднял глаза на почему-то замолчавшего Максимку. Домовой, бескорыстная добрая душа, весело подмигнул нахмурившемуся Юринику, пытаясь подбодрить его, и продолжил:

– Я-то мудро решил идти на разведку невидимым, а то мало ли что? Вон, он меня один раз чуть не поймал, помните? – кивнул он головой в сторону Юриника, который ответил удивлённым и непонимающим взглядом.

Домовой продолжил свою мысль, но уже несколько обиженно, с лёгким оттенком досады в голосе:

– Выкурю, выкурю... как ещё язык повернулся такое сказать? И ведь кому – мне! К тому же я говорил, что их побаиваюсь. А говорил ли я или не говорил, что эти герониты как две капли воды похожи, простите, на... кое-кого!

– Да говорил ты, – не выдержал Юриник, – говорил, все уши уже этим кое-кем прожужжал! Так что хватит подзуживать, и давай рассказывай, пожалуйста, не тяни kota за хвост!

– Ну, так вот, они-то, низкорослые волосатики, меня не видят, а я решил к ним приглядеться поближе, чтобы понять, с кем из них мне лучше иметь дело, кто поспокойней да порасудительней. В общем, с кем мне будет сподручней разговоры разговаривать. Их там, оказывается, ни много ни мало, аж четыре группы, по три человека в каждой. Одна группа залегла в засаде метрах в сорока от входа, прямо напротив него. Две другие притаились по бокам, но чуть ближе. А последняя, четвёртая, отсиживалась на специальном козырьке над входом. Хитрющие, просто жуть! Окопались, замаскировались и тихонечко сидят, ждут, истекая тягучей слюной, словно паучищи в засаде, поджидая свою очередную невинную жертву. Там и муха не пролетит незамеченой. Молодцы, одним словом, нечего сказать! Ну-у, так и мы, как вам должно быть известно, не лыком шиты и не лаптем деланы! Естественно, я решил для знакомства подойти к тем, что напротив входа, чего выдумывать-то? Они ведь все одинаковыми оказались при ближайшем рассмотрении.

Подхожу я, а они тихонечко между собой беседуют и всё у них вроде хорошо. Тихо, спокойно, подземная благодать, да и только. «Здравствуйте, – говорю вежливым и нежным голоском, я так иногда умею, – здравствуйте, добрые люди!». Они насторожились. «Мир вашему дому, милостивые государи!». Тогда и началось именно то, чего я больше всего не люблю – возня, суета и бестолковая беготня. Они вдруг сорвались со своих мест и давай бегать кругами, как угорелые или ошпаренные, осматривая каждый камешек, каждую кочку, словно им скипидаром одно чувствительное место хорошенько обмазали. Потом, правда, вернулись, видимо,

набегавшись вволю, на свои исходные места, но судя по всему, так и не нашли то, чего потеряли. И поэтому о чём-то крепко призадумались. Э-эх, жаль, я-то им сейчас помочь всё равно ничем не мог, да и дело у меня до них серьёзное и не терпящее отлагательств.

Выждал я немного, гляжу, вроде успокоились. Ну, я снова и говорю по-чётче да погромче на ухо одному из них: «Перестаньте же вы, добрые люди, бегать, словно ужаленные, мне же нужно с вами поговорить, в конце-то концов, поимейте хотя бы совесть!». Они встрепенулись, переглянулись, да как ринутся на мой голос, ещё похлеще Юриника, доложу я вам! Помните, там, в таверне? Насилу успел отскочить в сторону! А что, страшно ведь! Я хоть и очень смелый, но осторожный. А они как давай махать руками направо и налево, а в руках у них, между прочим, секиры были или алебарды, я их вечно путаю. Ну как, скажите на милость, с такими вот разговаривать по душам? Хотел я их, было, немного успокоить, вы ведь знаете, я могу, особенно, если меня затронуть за живое. Но вижу, не уймутся они всё равно так просто.

Тут к ним и остальные подошли. Никто ничего понять не может, а я-то из скромности молчу, пусть, думаю, попереживают, а потом я их и обрадую неожиданно: «Вот проходил мимо и зашёл в гости на огонёк, так что смело накрывайте на стол, будем пить чай с пирожками, если они у вас есть, конечно!». Но они какие-то хмурные все сделались. «Нет, – думаю, – эдак у меня с ними никакого приятного разговора не получится, нужно мне видимым становиться и ещё разок попробовать». А вдруг они будут тогда очарованы наповал моей положительной внешностью, представительным обликом и мужественным овалом лица? Даже не вдруг, а наверняка будут, на это только и осталось уповать.

И он испытывающе посмотрел на Юриника. А тот, в свою очередь, старательно избегал встречаться с ним взглядом. Домовой подождал ещё мгновение и, не услышав никаких возражений, продолжил:

– Отправился я туда, откуда и пришёл, к лестнице. По дороге немного успокоился. Потом материализовался. И не спеша вхожу обратно в пещеру. Делаю поклон до земли, всё как положено, чин по чину. И только уж было хотел речь приветственную загнуть от всей души, а тут на тебе! Не успел я и рта раскрыть, как они в меня с десятков стрел со свистом запустили. Вот как, даже внешность моя не помогла! Пришлось мне скорей под землю проваливаться! Чудом цел остался, если бы меня вообще можно было стрелой убить! Отлежался немножко, а когда наружу выполз, их там уже понабежало – целая армия, тьма-тьмущая, человек триста, не меньше! Горлопанят и бубнят, аж земля гудит, ну и голоски же у них... да вы и сами представление имеете.

И он снова взглянул мельком на Юриника, а тот сосредоточенно ковырял ногтем стол.

– Ну, я-то опять невидимым сделался, на всякий пожарный случай, а то мало ли чего и, как оказалось, не зря, уж очень они тщательно всей гурьбой рыскали по округе, того и гляди затопчут. Затем потихоньку-помаленьку к лестнице пробрался и сразу галопом по окопам к вам. Так что не получилось у меня с ними никакого душевного разговора. Они сперва стреляют, а потом и говорить уже не с кем будет.

Всё время, пока Максимка говорил, мы молча внимали ему. И к концу рассказа выглядели явно огорчёнными. Все, но только не Дормидорф. У хитрого деда, что бы ни случилось, всегда есть в запасе какой-нибудь премудрый план, а то и не один.

Он сказал, как всегда в таких случаях приглаживая свою боцманскую бородку и вновь лохматя её:

– Благодарим тебя, Максимка, ты настоящий друг и очень помог нам. Теперь мы знаем, где потайной вход и как он охраняется, а остальное дело техники. Извини нас, пожалуйста, что мы плохо о тебе подумали! Мы решили, будто ты струсил, когда долго не могли тебя дозваться!

– Да ладно, ерунда какая! Но всё равно, пожалуйста, – отвечал домовой, выглядевший явно польщённым. – Только чем это я вам так уж помог, если мне даже не удалось поговорить с геронитами?

– Зато ты нашёл заветный ключик от прохода, и теперь мы запросто туда проникнем, – сказал дед, хитро прищурившись.

Домовой непонимающе смотрел то на одного, то на другого из нас, в недоумении пожимая плечами, но было видно, что ему очень приятно. Он даже забыл попросить своих любимых пряников!

Нам всем не меньше, чем Максимке, интересно было узнать, что же придумал Дормидорф. Но из деликатности мы не хотели спрашивать, а молча и терпеливо ждали, когда он поведаст нам свой план. И одновременно с этим пытались сами разгадать его намерения. Ведь мы знали ровно столько же, сколько и он! Но почему-то именно сейчас, как назло, лично мне ничего на ум не шло. Да и моим товарищам, судя по их глупым выражениям лиц, видимо, тоже. Оставалось одно – ждать, когда хитроумный дед расскажет обо всём сам. А Дормидорф держал уже давно затянувшуюся паузу и о чём-то думал, лишь изредка бесшумно шевеля губами.

Так мы и сидели: Дормидорф думал, а мы ждали, заодно и наблюдали за Максимилианом. А наш герой, нашедший сам того не зная какой-то там неведомый заветный ключик от Подземного города, оживлённо вихляясь всеми частями тела, расхаживал по комнате, держа переплетённые пальцы рук в замке и заложив их за спину.словно большой обросший волосатыми перьями гусь, переваливаясь с ноги на ногу, он бродил, как неприкаемый. От нечего делать то исчезал, то неожиданно появлялся через небольшой промежуток времени. Этот проказник каждый раз возникал не там, где мы ожидали. Потеряв надежду услышать объяснения Дормидорфа, нам ничего другого не оставалось, как дружно вертеть головами, стараясь предугадать, где же он соизволит появиться в очередной раз.

Так прошло минут пятнадцать, хотя нам они показались вечностью. Наконец Дормидорф окончательно додумал свой секретный план.

Он вспомнил-таки о нашем присутствии и заговорил:

– Разрешите вас поздравить, друзья мои! Поздравить от всей души, ибо сегодня ночью мы обязательно попадём в Подземный город, встретимся и поговорим с геронитами и даже, думаю, с нами ничего плохого не случится. По крайней мере, останемся живыми и здоровыми! Гм, гм, во всяком случае, будем на это очень надеяться.

– Вот это да! Уж утешил, так утешил! Умеешь ты успокаивать, однако, старина Дормидорф! – язвительно заметил Юриник. – Какое облегчение для всех нас! Почему-то у меня нет страстного желания встречаться с ними, учитывая их количество, гостеприимство, и, особенно, внешность. Даже несмотря на твои оптимистические прогнозы!

– С тобой никто и не будет спорить, но внешность-то, между прочим, часто бывает обманчива, – ответил Дормидорф с лёгкой улыбкой. – Мы не желаем им зла. Когда они это поймут, то не будут иметь к нам никаких претензий, к тому же у нас есть секретное оружие – наш верный домовой, готовый всегда прийти на помощь в минуту опасности!

Мы одновременно посмотрели на наше секретное оружие, которое всё ещё продолжало вышагивать по-гусиному, но оно уже не исчезало надолго, а часто-часто мерцало, то исчезая, то появляясь, словно основательно перегрелось от долгого ожидания и вынужденного бездействия. Мокся, услышав, как его величают, здесь же расправил плечи, выпятил грудь колесом, гордо выставил вперёд свою всклокоченную бороду и изменил походку на более подобающую его теперешнему высокому званию и привилегированному положению. Теперь он стал похож на павлина, распушившего хвост или павиана, порядком переевшего забродивших фруктов.

– Ладно, – начал Юриник, – всё это замечательно, но как мы сумеем открыть потайной проход? И где тот самый хваленый заветный ключик, который мы, оказывается, ухитрились отыскать с помощью Максимилиана? Только лично я этого вовсе не заметил! Кстати, если ты

будешь злоупотреблять расхваливанием нашего домовика, то он того и гляди лопнет от гордости. Посмотрите, эго его раздуло!

– Ничего страшного, не лопнет. Сдуется потихоньку, мы ведь его зря не хвалим, а только за дело!

Слегка поникший было домовик, при этих дормидорфовых словах вновь воспрянул духом и бросил на Юриника многообещающий победоносный взгляд вместо ответа.

А Дормидорф продолжал:

– Терпение, мои нетерпеливые друзья, главное, терпение. Всё узнаете в своё время, а это время наступит ночью. Так что у вас ещё есть масса свободного времени, и вы вполне можете потратить его на самое полезное, что мы сейчас можем сделать. И что полезно делать всегда, а именно – хорошенько пораскинуть мозгами!

Остаток дня и ужин тянулись дольше обычного, ибо все с нетерпением ожидали таинственной ночи и, конечно, старательно пытались хорошенько пораскинуть мозгами, но только толку от этого не было. Хоть режь, так никто из нас и не додумался, где этот самый ключ, и как всё-таки старина Дормидорф надеется проникнуть в Подземный город.

Отужинав, мы изнывали от бездействия и неопределенности. Наконец, дождавшись одиннадцати вечера, дружной гурьбой отправились к лестнице на обещанную нам встречу с кровожадными геронитами. Шли быстро, жёстко и неукоснительно соблюдая ставшие привычными правила конспирации. Особенно остерегался предстоящей встречи наш бедный Юриник, хотя он крепился и пытался не показывать вида. Дорокорн на пару с мстительным домовым, пугая после ужина не на шутку распереживавшегося Юриника, наговорили тому всяких ужасов! Мне и самому сделалось как-то не по себе от их рассказов.

Выходило, что герониты непременно должны будут, просто-таки обязаны съесть у живого Юриника его печень сырой или лишь слегка её обжарить, но ни в коем случае не солить. Они ведь, оказывается, всегда поступают так с потомками беглецов, такой у них обычай. А традиции они чтят свято, что есть, то есть, и это, в принципе, неплохо, коли традиции хорошие! Но есть у человека его печёнку! И сразу меня начала мучить подозрительная ностальгия и неприятно повеяло чем-то болезненно родным. Подобные добрые традиции могут понять и одобрить лишь чиновники из моего никудышного мира – мира непутёвых медвежьих услуг. Чиновники, которые только тем и промышляют, что пьют кровь и пожирают внутренности своего терпеливого народа, не гнушаясь ничем. Они жадно высасывают жизненные соки у людей, бытие которых они должны облегчать, а не усложнять, для того они, казалось бы, и существуют! Но на деле система старательно пожирает сама себя на радость тем, кому это выгодно.

А на счёт радужных перспектив Юриника и его печени Дорокорну стало известно якобы со слов вездесущего домового, с коим они успешно спелись и ловко сплели заговор против обречённого Юриника. И вот сердобольный Дорокорн, как истинный заботливый друг, поспешил заранее, пока не слишком поздно, предупредить Юриника о страшной опасности, нависшей над ним. А убивать они его ни в коем случае не будут, что они, звери, что ль, какие? Просто-напросто сожрут его печень и всё тут! Делов-то на грош! Может быть, они даже употребят его печёнку в пищу не целиком, а оставят немного и самому Юринику, так сказать, на пробу.

Но шутки шутками, а впечатлительный Юриник проникся этими кулинарными изысками своих предполагаемых соплеменников всерьёз. Он потом ещё долгое время ругался на тех, кто предлагал ему отведать печёнку в любом виде, с солью и без таковой. А предложений, благодаря стараниям Дорокорна и вездесущего домового, надо думать, поступало огромное количество, особенно поначалу. Ибо блюд с использованием печени существует великое множество. Однажды, много времени спустя умелому пройдохе домовому всё же удалось подсушить Юринику вкусенький пирожок с чудной начинкой. После чего домовый ловко всучил ему брошюрку, где описывался подробнейший рецепт приготовления сего принципиально нового и доселе незнакомого Юринику кушанья. И, как оказалось, если иметь в виду начинку, Юри-

ник действительно никогда ранее не едал ничего подобного. Уже немного подзабывший историю со своей печёнкой, Юриник наивно заинтересовался. Новым же в том рецепте оказалось только то, что в разделе «приготовление начинки», вместо «берем свежую печёнку жирного гуся», было каллиграфическим почерком Дорокорна подписано «берем свежую печёнку жирного беглого геронита»! Вовсе нетрудно догадаться о реакции Юриника на эту невинную шутку друзей.

* * *

Глава 6

Настоящий Подземный город

Пока мы шли, мне почему-то постоянно казалось, что вот сейчас из-за какого-нибудь поворота появится наглый ворон со своими разговорами и всё испортит. Но пронырливый Коршан, ко всеобщей радости, так и не появился.

А вот, наконец, и заветная лестница. Пришли. Вопреки нашим ожиданиям, Дормидорф не стал больше предпринимать ровным счётом никаких действий. Загадочный дедушка предложил нам не стесняться и располагаться поудобнее напротив ступенек. Сам же, показывая пример, уверенно уселся на корточки и прислонился спиной к стене всего в нескольких шагах от последней ступеньки. Мы, немало удивившись, вынуждены были послушно последовать его примеру. А что нам ещё оставалось?

И снова тягостное время принялось тянуться, будто издеваясь над нами. Дормидорф так и не открыл нам своих планов и, в отличие от него, мы продолжали теряться в сумеречных догадках и фантастических предположениях по поводу дальнейшего хода развития событий. Я рискнул намекнуть ему, что теперь-то было бы совсем неплохо поделиться и с нами своими заумными тайнами! На что Дормидорф, видимо, чтобы занять время, прочёл нам целую лекцию. Он говорил тихо, но эмоционально.

– Терпение, друзья мои! Запомните хорошенько самое главное: всегда, при любых обстоятельствах имейте терпение. Терпение – вот истинная добродетель! Только не путайте, пожалуйста, с терпимостью и всепрощением, что является полнейшей и немислимой чушью! Да, чушью или происками врагов, ибо зло всегда и неминуемо должно быть наказано! Творящие же его злобные гадёныши должны всенепременно и твёрдо это усвоить, зарубить на своих носах и знать, как своё собственное я, а, следовательно, и ожидать справедливого возмездия! И лишь только тогда они, собаки бешеные, хорошенько призадумаются, прежде чем всласть намерзопакостничать. А терпимость к мерзопакости в любом её проявлении и есть слабость и преступное попустительство! Всё это способствует и даже порождает развитие распущенности и вседозволенности и, что совершенно естественно, причиняет всем непоправимый вред.

Нужно уметь ждать и выжидать, случай ведь обязательно представится, его надо лишь суметь вовремя распознать или создать самому, и тогда нужно быть готовым нанести удар в самое сердце. Наносить ответный или упреждающий удар надлежит только наверняка! Бить без жалости, но предварительно всё предусмотреть, рассчитать и взвесить. Даже если удар будет слаб, но нанесён в самое уязвимое место, он будет необычайно чувствителен. И наоборот, ожидаемый сильный удар практически бесполезен. Вреда от него порой бывает гораздо больше, чем пользы, ибо он открывает противнику ваши истинные намерения и трагит наши драгоценные силы и время, которых потом может не хватить на защиту и дальнейшее развитие успеха. И что тогда? А тогда досадный и позорный проигрыш! В то же время защиты не потребуется и вовсе, если делать всё наверняка, не колеблясь. Только обязательно необходимо быть уверенным в своей правоте. Очень важно не кривить душой перед самим собой. Это обязательно придаст дополнительные моральные преимущества, которые, в конечном счёте, выльются в физические, помогут собрать в нужный момент все силы для решающего броска. Недаром даже при худших условиях верх часто одерживает тот, кто прав. Неправая сторона почти всегда знает наверняка или непременно догадывается, что она неправа. Так же она знает, что при некотором терпении и упорстве когда-нибудь всё равно неминуемо падёт, словно колосс на глиняных ногах. А всё почему? Да потому что она подсознательно ожидает и боится прихода того, кто воистину прав. Вот тогда-то придётся раскрыть врата, ответить за всё сполна и получить по заслугам! Ибо вечно гнусность продолжаться не может, впрочем,

точно так же, как и что-то хорошее. Но хорошее, заканчиваясь или исходя на нет, оставляет за собой добрый и светлый шлейф удовлетворения и искреннего стремления всё повторить и сделать ещё лучше, и, конечно же, тоскливое сожаление о былом. Плохое же, мало того, что само по себе практически никогда не уходит, так ему ещё требуется помощь, чтобы сгнать. А те силы, которые помогают сотворить это действие – и есть добро, по крайней мере, на том этапе.

Вот и наше терпение наконец-то было вознаграждено сторицей! С лёгким скрежетом, который бывает, когда одна тяжёлая каменная поверхность трётся о другую, соприкасаясь лишь слегка, нижняя ступенька лестницы начала плавно подниматься вверх, а верхняя опускаться вниз. Точнее говоря, вся конструкция с тихим скрежетом плавно и медленно начала принимать горизонтальное положение, а снизу из-под неё хлынул яркий свет.

Раздался возбуждённый шёпот Дормидорфа:

– Никому ни в коем случае не делать резких движений! Положитесь на меня, дети мои!

Расстояние между нижней ступенькой лестницы и полом медленно продолжало увеличиваться, свет лился уже прямо на нас, постепенно поднимаясь и доходя до наших лиц. Прошло ещё несколько, показавшихся длинными, секунд, и нашим взорам открылась впечатляющая картина. В нескольких шагах от нас, прямо под горизонтально висящей в воздухе лестницей стояла толпа вооружённых до зубов людей. Все они были невысокого роста, щедро поросшие густой волнистой шерстью (или волосами?). Я до сих пор так и не определился, как же мне называть то обилие растительности, которое покрывало их тела. Могу сказать только, что не будет большим преувеличением, если предположить, что их вполне можно было бы стричь по весне, а из полученной шерсти прясть пряжу и вязать первоклассные свитера и шали.

Эти невысокие коренастые люди грозно и, вместе с тем, недоумённо смотрели на нас в упор. Герониты были удивлены не меньше нашего. Узрев нас, мирно сидящих и явно подждавших кого-то, первые ряды несколько растерянно и ошарашено замерли на месте, задерживая, таким образом, остальных и закрывая им обзор своими телами. А им было очень любопытно! И действительно, не автобуса же мы здесь ожидали! Мы, как сидели, так и остались сидеть на месте, не делая никаких попыток ни встать, ни взяться за оружие, что на их взгляд было тоже как-то странно. Мало того, что Дормидорф предусмотрительно предупредил нас ни в коем случае не делать этого, так это было сейчас и совершенно бесполезно.

Такое напряжённое противостояние продолжалось ещё какое-то, весьма непродолжительное время. Наконец от толпы отделилось несколько человек, видимо, самых смелых. Воины неспешно направились к нам, держа наготове оружие. Хотя при таком численном перевесе, на мой взгляд, ни о какой смелости и куры не щебетали! Кстати, вооружены они были копьями и луками, а кинжалы, больше напоминающие небольшие мечи, болтаясь, бряцали в ножнах на поясах. Было и какое-то другое оружие, но мне некогда было его рассматривать, ибо я в это время был очень занят! Я с интересом и некоторой долей страха наблюдал за дальнейшим развитием событий.

А дальше всё было просто до безобразия. Не говоря ни слова, с самым деловым видом они вплотную приблизились к нам. Затем вежливо, но настойчиво помогли нам подняться, а точнее, вцепившись в каждого из нас, чуть ли не приподняли над землёй. После чего уже и вовсе бесцеремонно подпихивая, нас препроводили через зияющий проход в Подземный город. Но нам от этого было не легче!

Надо отдать должное, всё было в точности, как описывал домовой: широкий коридор и небольшой спуск в ярко освещённую пещеру гигантских размеров. Это было последнее, что нам удалось увидеть, ибо всем нам на головы не очень-то вежливо напялили дурно пахнущие мешки, и всё так же молча, не произнося ни слова, куда-то повели. Боюсь, как бы шуточки с юриниковой недосоленной печёнкой не оказались прискорбной действительностью. Ощущение, могу отметить, было далеко не из приятных! А кто не верит мне, тот может и сам попро-

бовать. Не знаю, как остальные, а лично я в тот момент сильно пожалел о том, что ввязался в это авантюрное дело.

До теперешнего момента всё было похоже на увлекательную игру, но эта игра для меня сразу закончилась, как только я увидел толпу явно не настроенных баловаться игрышками людей. Я понял, что для меня наступила точка невозвращения. Умом я это осознавал и раньше, когда мы только собирались сюда, но всем своим существом прочувствовал только сейчас. У меня даже защемило где-то на уровне, как ни странно, печени!

Меня вели под руки с пахнущим далеко не свежестью летнего утра мешком на голове, и думал я о том, что если только выкарабкаемся отсюда, то это будет мне, да и всем нам, хорошим уроком! Вряд ли только мы его усвоим. А если и усвоим, то обязательно забудем, особенно по прошествии какого-то времени.

Продолжая идти в неизвестном направлении, я вдруг отчётливо осознал, что мы совершили одну досадную ошибку, отправившись на встречу с геронитами все вместе! Наверное, нужно было кого-нибудь оставить там, в школе. По крайней мере, он мог бы связаться с лесными людьми и сообщить о нас на Опушку Сбора! Но теперь было поздно пить боржоми, поезд ушёл, а умная мысль пришла, как обычно, опосля.

Тогда мне с грустью и тоской подумалось о ситуациях, в которые мы попадаем, и которые сами себе готовим, иногда несознательно, своими поступками. Эти ситуации порой плавно вытекают одна из другой, а зачастую и стремительно, но практически никогда не бывает, чтобы они были совершенно непредсказуемы. Всегда можно предположить приблизительный ход развития событий в зависимости от совершения нами какого-либо поступка и хоть как-то влиять через него. Ситуации, в которые нам только ещё предстоит попасть, очень чутко реагируют на наши теперешние действия. И если только давать себе труд хоть иногда задумываться о последствиях тех или иных поступков, то многое можно изменить в настоящем и избежать в будущем. Зачастую ироничные нити судьбы, пронизывая череду событий и поступков, накрепко связывают полученные вереницы ситуаций в одно целое. И здесь становится порой очень важна каждая мелочь! Эти ситуации изменчивы и неприхотливы, причудливы и витиеваты, но лишь самое короткое время, и стоит его только упустить, как все качества и свойства тут же меняются. Зато перед нами открываются новые возможности, но обязательно с поправкой на последствия былых наших действий и ситуаций, в значительной мере управляющих этими самыми возможностями.

Как правило, пытаюсь разобраться, почему мы оказались в той или иной гуще событий, мы всегда находим отправную точку начала этих событий в прошлом. И часто удивляемся, ведь в тот момент ничего не предвещало подобных последствий. Так мы ведём себя в жизни, или нас ведут? Или не так уж важно, что с нами происходит, а имеет значение только, как мы реагируем и почему. Что же, попробую сделаться наблюдателем себя самого, чтобы лучше понять, зачем я прогуливаясь сейчас с вонючим мешком на голове и под конвоем двух бравых геронитов, очень хотелось бы надеяться, что не самых вежливых. Время от времени и, видимо, не без удовольствия, они недружелюбно пихали меня, когда дорога меняла направление, приглашая, таким образом, свернуть в ту или иную сторону. Меня так и подмывало толкнуть этих волосатых и злобных шибздигов в ответ, но что-то подсказывало мне, что этого делать не следует.

А вдруг они окажутся людоедами, вот будет неожиданность, так неожиданность! И тогда я очень рискую дотолкаться до супа или жаркого! Не знаю я особенностей и предпочтений местной кухни. А вдруг ещё, чего доброго, меня сожрут первым? Я, конечно, иногда люблю быть таковым, но не в подобных делах! Любому живому существу неприятно думать о блюде со своим непосредственным участием, и я не являюсь исключением, хотя сам и люблю вкусно поесть. Но существует способ хоть как-то насолить обидчикам! Коли уж вышло так, что тобой решили ненароком перекусить, то пока будешь вариться или тушиться, старайся переесть в котле как можно больше картошки или вообще всего, что рядом с тобой будет плавать съе-

добного. Правда, коли начнут зажаривать на вертеле, на медленном огне, то этот способ вряд ли сработает, но в первых двух случаях он вполне возможен.

Предаваясь подобным невесёлым размышлениям, я как минимум минут двадцать шёл неизвестно куда и непонятно зачем, когда наконец-то мы остановились и ненавистные «ароматные» мешки были сняты. Перед нами была небольшая пещерка, в которую нас бесцеремонно затолкали, не забыв выставить охрану у входа.

Основная же масса хмурых подземных коротышек проследовала с шумом куда-то дальше. Мы бегло осмотрелись и вдруг сообразили, что среди нас кого-то явно не хватает! И действительно, не было нашего главного ворчуна – Юриника.

В пещере было несколько маленьких и узеньких окошечек, куда и голова нормального человека не пролезла бы без того, чтобы не ободрать ушей. Вот к этим-то, с позволения сказать, отверстиям, мы и прилипли, как только сообразили, что одного из нас уводят в неизвестном направлении.

Как оказалось, увели его недалеко. Вся подземная компания удобно расположилась на импровизированной округлой поляне вокруг нашего друга, который стоял и, оживлённо жестикулируя, возбуждённо произносил речь. Иногда он перебегал с одного места на другое, наверное, в зависимости от местонахождения того, кто задавал ему очередной вопрос. Увидев это, мы испытали некоторое облегчение: ведь раз дали говорить и слушают, значит, хотя бы не съедят прямо сейчас, без возможности объясниться! Но в нашем теперешнем положении выбирать не приходилось.

Юриник подпрыгивал на месте, что-то возбуждённо доказывая, и при этом умудрялся, хоть и изредка, показывать в нашу сторону.

– Он говорит им, – шёпотом предположил Дормидорф, – что здесь сидит один человек, который гораздо выше и намного вкуснее, а его печёнка просто объедение, пальчики оближите! Не желаете ли познакомиться с ним поближе? Вы не пожалеете!

Дорокорн даже вздрогнул от такого предположения и укоризненно посмотрел на довольного Дормидорфа. А Юриник наконец соизволил заметить наши маячившие в смотровых отверстиях физиономии и на мгновение замолчал, потом громко и раскатисто рассмеялся, вновь показывая рукой в нашу сторону.

– Ну, а теперь он говорит им, – снова взялся за своё Дормидорф, – когда услышите его нежный и мелодичный голосочек, то будете вдвойне довольны сытным обедом! Это весьма ощутимо улучшит ваши процессы пищеварения. Он даже вам что-нибудь споёт жалостливое.

Дорокорн, прекрасно понимавший, что таким образом старина Дормидорф просто пытается отвлечь нас, слегка улыбнулся, но ничего не ответил. Вместо этого продолжал внимательно следить за происходящим за окном. А оттуда донёсся ещё один залп рокошущего смеха, и Юриник смеялся со всеми и снова показывал рукой в сторону нашего заточения.

– Да вы только посмотрите, что же это он вытворяет? Ему ещё и весело! Каков оборотень! Кого же это я пригрел на своей груди, а? – не выдержав подобного развития событий, заверещал возмущённый до глубины души Дорокорн.

Герониты, сидевшие вокруг Юриника, проследили взглядами в указанном направлении и опять вызывающе, как нам показалось, расхохотались. Отражённое эхо заполнило всё пространство, а воздух загудел вокруг нас, будто колонна танков промчалась поблизости. Мы на время отошли от окошек, чтобы решить, как нам быть дальше.

– Да они похожи, как братья, – начал Дорокорн, – рост, голос, повадки и манера поведения, весь облик в целом! Одинаковые! Только у нашего экземпляра волосатость не такая повышенная, но думаю, если бы Юриник пожил какое-то время здесь, на родине предков, то щеголял с такой же мохнатой шерсткой, как и у остальных подземных шкетов.

Дормидорф также не считал нужным скрывать своего удивления. Довольно потирая руки, он сказал:

– Друзья мои, очень может быть, что они признали в нём себе подобного и, вне всякого сомнения, это даёт нам шанс договориться с ними о совместных действиях и даже подружиться!

Теперь опять заговорил Дорокорн:

– Подружиться? Правильно я вчера в лесу подшучивал над ним! Помните? Его нужно было пометить, чтоб не спутать ненароком! Как в воду глядел! Кто бы мог подумать, что всё так точно совпадёт?

Все были с ним совершенно согласны, сходство действительно было поразительное, прямо ни дать ни взять – кровные братья.

Неожиданно возникло ощущение, что мы не одни в этой пещерке! Все одновременно посмотрели в самый тёмный угол и заметили там существо, которое вдруг зашевелилось и вышло на середину помещения. Это был один из геронитов. Ловко придумали, посадить к нам своего шпиона, чтобы без лишних хлопот выведать все наши замыслы и планы.

– Подслушиваешь, хохотунчик? Нехорошо это! Ох, нехорошо... – зловеще зашипел Дорокорн, стараясь сделать свой голос более низким, одновременно с этим медленно приближаясь к скромно стоявшему герониту. Дорокорн нависал над ним, словно скала, расставив руки с растопыренными пальцами, будто собираясь сжать этого несчастного в своих могучих дружеских объятиях.

– Ну, готовься, малыш, сейчас узнаешь, почём фунт лиха! Мало того, что вы мне какой-то смердящий мешок на голову напялили, подслушиваете тут, так ещё и насмехаться надо мной вздумали! Вот ты-то мне как раз и нужен! Ты, дружок, мне сейчас за всех ответишь!

Вид у Дорокорна был жутким, ясно было, что он расшаренился и готов на полном серьёзе выполнить свою угрозу. На месте маленького геронита я предпочёл бы провалиться куда-нибудь, хоть под землю! Но геронит оказался вовсе не из трусливого десятка! Он предостерегающе выставил вперёд волосатую руку и проговорил высоким писклявым голосом, ещё почище, чем у самого Дорокорна, к нашему всеобщему удивлению:

– Окстись, храбрый воин! Я ведь брат твой, разве ты сам не слышишь этого? Брат не только по духу. И прикрой, пожалуйста, свой рот, а то, того и гляди, туда ненароком муха залетит и гнездо совьёт.

Мы так и обалдели! Причём одновременно. А Дорокорн даже не обалдел, он категорически и бесповоротно опупел, патологически, с осложнениями и надолго! Медленно закрыв рот и замерев на месте, ничего не понимающий Дорокорн остановился, как вкопанный. Он нахмурил брови и принялся глуповато сосредоточенно всматриваться в своего новоиспечённого духовного братишку. А тот продолжал стоять с нелепо выставленной вперёд рукой вместо того, чтобы скоренько слинять куда-нибудь, пока у него была на то хоть какая-то возможность. Геронит вызывающе нагло таранился своими бесстыжими глазами, буквально буравил насмешливым взглядом поражённого сверх всякой меры Дорокорна.

Вдруг Дорокорн удивлённо всхлипнул и вымолвил:

– Максимка... Ты, что ли, хитрая бестия?

– Наконец-то догадался! – радостно констатировал домовой.

Все облегчённо вздохнули. Это было очень хорошо, что Максимка сам появился именно в это время. Просто замечательно! Мы теперь могли договориться с ним о том, что если с нами здесь случится что-нибудь нехорошее, то он должен будет сообщить об этом лесным людям, а те, в свою очередь, через местного лесовика передать эту прискорбную весть на Опушку Сбора. После этого мы опять прильнули к смотровым отверстиям. Снаружи ничего особенно не изменилось, только Юриник подскакивал и жестикуюлировал менее интенсивно, и в кругу рядом с ним появилось ещё несколько геронитов. Они пристально его разглядывали, иногда даже несмело ощупывали, от чего наш робкий Юриник невыносимо сильно смущался.

– Что я вижу? – с явной заинтересованностью вопрошал Дорокорн, адресуя свой вопрос не кому-то конкретно, а рассуждая сам с собой. – У нашего подземного человека никак появилась многочисленная свита восторженных почитателей! Пойдите-пойдите, не могу поверить своим глазам! Ущипните меня скорей кто-нибудь, я не сплю? Да это же никак... точно, так и есть, надо же! Да ведь это самые настоящие женщины, только волосатые! Ха-ха-ха! Они его там, что... сватают, что ли?

Пока Дорокорн таким образом общался сам с собой, мы с дедом приглушённо фыркали, но в какой-то момент чаша нашего терпения оказалась переполнена и мы, дав себе волю, рассмеялись от души. Гулкое эхо разнесло наш смех далеко-далеко, вдобавок многократно его усилив. Естественно, это не могло не достигнуть чуткого слуха Юриника, который сразу бросил в нашу сторону укоризненный взгляд, всем своим видом показывая резкое категорическое неодобрение, вызванное нашим неосмотрительным поведением. Уж он-то, конечно, прекрасно понимал, над кем и почему мы можем смеяться в такой ответственный момент. В момент, когда сам он вынужден был отдать всего себя без остатка, чтобы выглядеть как можно убедительней, и одновременно с этим ослабил контроль над собой, рискуя показаться сторонним зрителям, коими мы и являлись, потешным. И если Юринику всё было ясно и понятно, то герониты, напротив, в некотором недоумении начали оборачиваться в нашу сторону и поглядывать на наши окошки с озадаченным видом. Ну, правильно, по их-то разумению мы должны были сейчас трястись от страха в ожидании своей чудовищно-нелёгкой участи, находились целиком и полностью в их власти, и они могли сделать с нами всё, что угодно. Сейчас ведь решалась наша дальнейшая судьба, а тут вдруг, на тебе, смех! К чему бы это? Странно. А не сошли ли мы все разом с ума от пережитых волнений?

Кстати говоря, когда мы рассмеялись, я отчётливо слышал тоненькое, очень похожее на истеричное поросычье повизгивание хихиканье, которое издавал наш весельчак-домовой, окончательно вошедший в роль слегка пришибленного геронита с дефективным голосом Дорокорна. Тогда у меня и зародилась одна авантюрная идея, как помочь бедняге Дорокорну, который вот-вот должен был стать объектом злорадных насмешек. Это вам не траливали, быть высмеянным прилюдно, да ещё целым племенем! И несчастный Дорокорн не мог этого не понимать. Да, ему не позавидуешь, но кое-что можно было попытаться предпринять, тем самым красиво утереть нос геронитам и их новому сородичу Юринику.

Касаемо происходящего снаружи, всё было именно так, как комментировал Дорокорн. Сзади и по бокам за Юриником неотступно следовали несколько герониток, которые трепетно поглаживали и ощупывали его. Они, видимо, были сражены наповал новым восхитительным красавчиком, потому неустанно восхищались его гладкой и нежной кожицей и вообще всем его внешним обликом в целом. Вот повезло, так повезло! И этих женщин можно было прекрасно понять и уж ни в коем случае не стоило осуждать, ведь они подобную экзотику видели первый раз в жизни! А какая настоящая женщина, скажите на милость, сможет мужественно устоять перед таким соблазном? Это же женщина! А раз так, то вполне естественно и закономерно – не устоит. Ведь многие женщины так падки на... да на многое они падки, всего и не перечислишь, для этого пришлось бы создать целый словарь. Падки в том числе и на красоту! Каждая ведь по-своему с ума сходит, как верно гласит народная мудрость.

Женщины этого достойного подземного племени были ещё миниатюрней мужчин, правда, и волос у них на теле было заметно меньше. Но это-то как раз их не портило, а очень даже наоборот! По крайней мере, на мой неискушённый взгляд. Правда, я никакой не гурман в этих делах, просто-напросто так повелось в моей жизни, что сам я не очень ценю в женщинах повышенную нательную волосатость, но, как говорится, на вкус и цвет дуракам закон не писан. Это, безусловно, дело вкуса. Наверняка найдутся мужчины, предпочитающие именно мохнатеньких. А иначе откуда, скажите на милость, даже в моём мире их столько, что порой диву даёшься? Приходит время, и они вдруг вылезают из своих нор и укрытий! Лезут, такое впе-

чатление, из всех щелей! Как оголятся немилосердно, особенно летом, когда хорошенько припечёт, и ходят, млеют на солнышке, выставляя напоказ свои сомнительные прелести! Значит, это кому-то нравится, кроме них самих? Это единственный вывод, который напрашивается сам собой.

Кто знает, может быть, Юриник как раз из таких любителей и просто-напросто стеснялся говорить нам об этом. Тогда, вполне вероятно, он найдёт здесь свою судьбу. Возможно, Юриник и прав, волосатость – это ещё не самое страшное. Я ещё молчу про обладателей тяжких поступей, носителей обширных фигур, коих в моём мире великое множество! А в сочетании с повышенной волосатостью, что зачастую является следствием чрезмерной полноты, когда происходят нарушения обменных процессов в несчастном закормленном организме, получается полный букет всех удовольствий. Эти поросшие растительностью обширные тела колыхаются сплошь и рядом, а в большинстве случаев всему виной пристрастие к пунктам быстрого, но некачественного питания. Этакое изуродованные организмы маются, страдают вокруг, будто кричат всем своим обрюзгим обликом, а порой и запахом: «не делайте, как я, не впихайте в себя ароматные помои из пунктов быстрого уродования, а то станете похожими на жирный волосатый шматок!».

Мохнатость у герониток была хоть и поменьше, нежели у мужчин, но всё равно предостаточная. Зато у всех были на редкость пропорциональные фигуры. И на лицо, если закрыть глаза на пушок, довольно милovidные. В конце концов, существует целое множество всевозможных способов удаления нежелательных волос, нужно будет поговорить об этом с Юриником, если проблема будет только в этом. Только как бы тогда герониты и вовсе не осерчали на людей с поверхности. Если одна или несколько их соплеменниц опять сбегут, то это будет просто глобальная катастрофа! Ведь у нас ещё есть славный великан, красавец-мужчина Дорокорн, он парень тоже хоть куда! А многоопытный во всех отношениях Дормидорф однозначно даст фору любому! Он вполне мог бы сподобиться и тряхнуть стариной во славу Отечеству. А если тут принято многожёнство, то тогда вообще – гуляй, не хочу, ребята!

И моё скудное воображение здесь же нарисовало мне захватывающую дух, и не только его, картину, как мы идём, почему-то по ирисовому полю, птички поют, солнышко светит, небо голубое-голубое, и всё так умиротворённой и благодушной делается на душе! Всё дышит спокойствием, и сердце замирает в предвкушении чего-то хорошего и теребящего воображение и душу. Вокруг мои друзья, счастливые и радостные. А вместе с ними, предугадывая их скромные желания и выполняя любые прихоти, следуют прелестные геронитки, числом не менее двух десятков. А что? На троих это не так и много! Всё зависит от времени, коим мы будем располагать. Надеюсь, свадьба будет одна на всех, а то я здесь застряну надолго, что нежелательно, по крайней мере, в первое посещение мной этого мира. Думается, что мой долг хотя бы раз в десятилетие навещать в свой «достойный» мир. Коли чаще, то мне будет трудно себя заставить, а раз в десять лет, думаю, вполне потяну, но только из любви и чувства долга перед близкими и друзьями! Да, никуда не денешься, придётся сподобиться.

Ну вот, моим мечтаниям пришёл конец, как водится, на самом интересном месте. Похоже, разговор у Юриника с геронитами закончился, потому что круг обступивших его женщин и мужчин разомкнулся и наш друг вальяжно, вразвалочку, в сопровождении обворожительных красавиц направился в сторону пещеры, где скромно прозябали мы, недостойные. Он явно не торопился, наверное, мстил нам за смех. Несколько раз останавливался и, лучезарно улыбаясь, что-то нашёптывал то одной девушке, то другой. Те настолько были довольны, что прямо-таки светились от неожиданного и негаданного счастья.

– Нет, всё же мне очень интересно, принято ли у геронитов многожёнство? – неожиданный вопрос был задан Дорокорном. – Коли принято, то, боюсь, нам придётся потратить немало усилий, чтобы вытащить Юриника из Подземного города! Уж очень тут страстные женщины, как я погляжу. Вон-вон, смотрите! Да вы только посмотрите, ишь, что вытворяют!

Да и без многожёнства его теперь за уши не оттащишь от этих прелестниц! Уж я пожалел Дорокорна, не стал описывать ему те картины, что недавно рисовались мне в воображении. А то, чего доброго, понравится, и захочется того, чего не следует, ведь нам и о деле не надо забывать, хотя одно другому, может быть, и не мешает! Коли сугубо в целях скрепления дружбы, то даже пойдёт на пользу!

Опять мои размышления прервал голос, но теперь уже Дормидорфа:

– Прими, пожалуйста, от меня добрый совет, дружище Дорокорн. Постарайся сейчас как можно меньше разговаривать, а лучше вообще помалкивай. Ибо милые и весёлые барышни, которые направляют сейчас к нам свои стопы вместе с осмеянным нами Юриником, придут в дикий и неопикуемый восторг, как только услышат твой голос. Ты уж прости, что я говорю тебе это напрямую, но сдаётся мне, что коварный Юриник неспроста ведёт свою свиту к нам. А ты-то сам как думаешь?

Я сразу вспомнил свою идею по этому поводу, но всё ещё колебался: говорить, не говорить? Захочет ли он её попробовать? Нет, пока лучше помолчу, а то ещё подумает, что я издеваюсь над ним. Идея-то не совсем обычная, но оригинальная. У меня так часто бывает: хочешь как лучше, и вроде бы сначала всё идёт прекрасно и все довольны. А потом вдруг всё, как по мановению волшебной палочки, переворачивается с ног на голову! Хотя ничего плохого, казалось бы, я и не сделал, одно только хорошее, но даже хорошее некоторые умельцы самым чудным и непостижимым образом так вывернут, что хоть стой, хоть падай! Уж лучше бы действительно сидел, да не рыпался, а то благодетельная инициатива всегда боком выходит, получается себе дороже! Столько раз искренне сожалел, что ввязался, но всё равно продолжаю постоянно наступать на одни и те же грабли. Впрочем, в последнее время прогресс на лицо, хоть периодически и наступаю, но уже реже. И, может быть, когда-нибудь наступит, наконец, такое время, когда вообще перестану наступать. Только для этого мне необходимо и вовсе перестать кому-либо помогать, а этого мне делать совсем не хочется.

Как раз в тот момент я совершенно чётко осознал то, что знал уже давно, но одно дело знать, а совсем другое осознать, прочувствовать и принять, как своё собственное и родное. А осознал я и окончательно решил для себя вот что: буду совершать добрые поступки, но, по возможности, не буду себя заставлять этого делать, а ещё никогда не стану ожидать ответной благодарности и признательности. Буду помогать только, если это в моих силах, и я сам хочу этого больше, чем опасаясь возможных последствий своего поступка. И тогда всё сразу встало на свои места, сделалось легко и спокойно.

Дорокорн напряжённо размышлял. Лично я был твёрдо уверен, что именно пророческие предположения Дормидорфа на счёт предстоящих перспектив его светлого будущего вогнали его в такие глубокомысленные раздумья.

– Да, ты совершенно прав, – тряхнув головой, обречённо заговорил Дорокорн, – от этого добряка Юриника можно теперь ожидать чего угодно! А мне сейчас меньше всего хочется быть высмеянным этими подземными девицами, да чтоб они потом ещё из поколения в поколение передавали весёлые истории обо мне. Да и зловредный Юриник будет мне это вспоминать всю оставшуюся жизнь и издеваться надо мной, а я и без того немало насмешек от него терплю! Что же мне делать?

Чем ближе подходил Юриник, тем мрачнее становилось лицо Дорокорна. Жаль мне его стало! Ну, прямо до невозможности жаль, потому я и решился, наконец, рассказать ему свою идею, авось пригодится!

Я робко начал:

– Дорокорн, у меня есть отличная идея, как избежать конфуза!

Он встрепенулся и с надеждой в глазах умоляюще посмотрел на меня. Допекло его всё это, видимо, всерьёз, да и кому захочется, чтобы над ним вечно хихикали? Хотя если по-доброму, без грубости, то даже интересно, но только не постоянно, естественно.

Я продолжил чуть смелее, воодушевлённым проявленным им интересом:

– Ты ведь, кажется, прекрасно знаешь, что наш домовый предпочитает изощрённо издеваться, и издеваться не над кем-нибудь, а именно над Юриником. Вот такая у них чистая светлая мужская дружба. Тебе же всего лишь нужно заключить с ним обоюдовыгодный договор. А тут подворачивается такая удачная возможность! Представляешь, как Юриник будет поражён? Когда он придёт и начнёт выводить тебя на разговор, а это произойдёт обязательно, нужно будет, чтобы он вместо твоего, только не обижайся, несколько необычного фальцета услышал нормальный сочный мужской баритон! А с домовым тебе надо будет договориться вот о чём: ты станешь лишь рот открывать, а он вместо тебя говорить. Ему же ничего не стоит подделать любой голос, даже твой, мы ведь это и сами сколько раз слышали. Не успел я закончить свою мысль, как Максимка не вынес такой неожиданной, свалившейся на него неизвестно откуда радости. Он получал уникальную возможность насолить Юринику, и даже придумывать ничего было не нужно, всё отлично складывалось само.

– Я всё слышал и согласен! Красота! Повеселимся сегодня всласть!

Дорокорн тоже остался доволен моим предложением. В это самое время напыщенный Юриник со свитой подходил к пещере, где мы коротали время вот уже больше часа в ожидании, когда его высокопревосходительство соизволит наговориться и обратить на нас взор своей высочайшей милости. Охрана его пропустила и, вообще, по его радостному и чрезмерно цветущему виду можно было легко понять, что он успешно провёл переговоры, и мы теперь можем вздохнуть свободно! А всё благодаря кому? Да, да, конечно, благодаря нашему гениальному дипломату Юринику Великолепному! Что бы мы без него делали? Сам Юриник зашёл в пещеру, а его сопровождение осталось на улице ожидать своего принца.

Его первыми словами было:

– Радуйтесь, друзья мои, я решил все вопросы и вы, наконец, свободны, я всё уладил! Но не стоит благодарности, всё это пустое, как-нибудь потом. Оваций тоже не надо.

Он победоносно окинул нас взглядом, выставил вперёд правое плечо, подбоченился и, слегка приподняв подбородок, продолжил, снисходительно глядя почему-то на Дорокорна:

– Герониты, эти славные и милые ребята, просили меня извиниться перед вами за то, что так бесцеремонно себя вели: мешки на голову, толкания и прочее! Но теперь, слава... не будем лишним раз все упоминать кому, всё встало на свои места. Надеюсь, никому не надо объяснять, – и он теперь уже в упор посмотрел на Дорокорна, – что всё так удачно получилось далеко не само по себе, а только благодаря моему выдающемуся ораторскому искусству, природному дару убеждения и, естественно и бесспорно, непревзойдённому личному обаянию!

Дорокорн снисходительно и понимающе улыбался, пряча при этом взгляд, дабы он не выдал истинную причину его неподдельной радости! Но Юриник воспринял это, как счастливую улыбку благодарности, знак того, что Дорокорн очень доволен исходом происходящего.

И тогда Юриник заговорил вновь:

– Нас теперь никто не будет задерживать, а потому все мы свободны, как страус в облаке! Нас даже проводят обратно! Эти премилые люди обещали нам свою помощь в любой момент, как только понадобится. Нужно только подать условный и секретный знак. Вы спросите меня, какой знак? И я вам отвечу: нам придётся отправить нашего изрядного смельчака домового с инструкциями на их пост, уж очень он им понравился! А коли от нас не будет никакой весточки в течение трёх дней, то тогда уж они сами нас найдут.

– Ну, какой ты молодец, Юриник, – сказал Дормидорф, – ты очень ловко и быстро обо всём договорился. Ты нас практически спас! Если бы не ты, даже не знаю, что бы мы сейчас делали!

– Боюсь, тогда не мы бы делали, а из нас бы делали! Какие-нибудь котлеты с фрикадельками или отбивные, – еле слышно проговорил я, но никто на это не обратил внимания.

– Да ладно вам! Сейчас не об этом, – отвечал наш великодушный благородный спаситель, буквально раздуваясь от переполнявшей его гордости и неопишуемого величия. – Идёмте же быстрее, уже почти три часа, как мы покинули нашу комнату, надо спешать.

Он и на этот раз был, безусловно, прав, нам сейчас никак нельзя было рисковать, вызывая ненужные подозрения своим отсутствием. Хотя очень было бы интересно познакомиться поближе с бытом, нравами, жизнью и повадками геронитов. Кстати, и с кухней тоже, само собой разумеется.

Нас не нужно было дважды просить покинуть эту уютную пещерку, а посему уже через какую-нибудь минуту мы с огромным облегчением вышли из заточения на волю. А там, переминаясь с ноги на ногу, томился в нетерпеливом желании гарем почитательниц бесспорных и несомненных талантов нашего, в высшей степени скромного Юриника. А чуть поодаль отирались в вынужденном бездействии человек тридцать воинов из числа нашего сопровождения. Остальные давно разошлись по своим насущным делам. Герониты очевидно маялись, они не привыкли бездельничать и постоянно делали что-то полезное, а коли все дела были переделаны и заняться было нечем, тогда они изучали что-нибудь, оттачивали одно из упражнений воинского искусства или просто занимались физической культурой. Как оказалось впоследствии, у них было хорошо развито несколько основных направлений боевых единоборств, коими занимались все поголовно, даже старики и дети. Простое же и бесполезное тягание тяжестей для наращивания мышечной массы у них было не в почёте. Вместо этого они совершенствовали мастерство владения духом, телом и координацию движений с помощью определённых приёмов, которые были созданы ими для защиты и нападения.

Мы неспешно двигались по довольно широкой тропе в обратном направлении. Несколько воинов пошли вперёд, показывая дорогу, остальные пристроились по бокам и сзади. Никто, к сожалению, не выказывал желания пообщаться с нами. Похоже, герониты не страдали чрезмерной болтливостью, впрочем, так же, как и не мучились от избыточного гостеприимства. Может быть, такая холодность в отношении обуславливалась тем, что мы встретились впервые? Герониты не были избалованы частыми визитами людей извне! Остаётся лишь надеяться, что во время наших последующих встреч, когда они раскрепостятся и попривыкнут к нам, мы встретим, наконец, радушный и тёплый приём, как и подобает при желанном общении.

Юриник со своим личным сопровождением шёл на небольшом расстоянии впереди нас, чтобы не путаться под ногами шикарным шлейфом своих волосатых спутниц. Он чинно вышагивал, бережно обнимая девушек, идущих по обе стороны от него, а они, в свою очередь, честно менялись через равные промежутки времени. Это просто необходимо было делать для того, чтобы всем страждущим претендентам достался хоть маленький кусочек счастливого общения и томной близости, которую так щедро раздавал направо и налево наш друг. Сегодня он был самым популярным человеком этого красивейшего из подземелий.

Юриник, обернувшись, нашёл нужным пояснить нам:

– Друзья мои, вы уж простите великодушно этих милых созданий! Оказывается, герониты не очень любят разговаривать с посторонними людьми, но для меня они, естественно, сделали маленькое исключение. Я очень доволен этим обстоятельством, в коем-то веке меня оценили по достоинству. Вот, дорогой мой Дорокорн, пусть это будет тебе хорошим уроком, смотри и запоминай, как себя ведут скромные и воспитанные люди! Мотай, так сказать, на ус, а то ты только и знаешь, что возражать мне да спорить. А спорить со мной, между прочим, всё равно, что себя не уважать! Прими же, пожалуй, мой добрый совет, малыш: оставь споры тем, кто это умеет делать. Но не будем показывать пальцем, все и так прекрасно понимают, о каком умельце идёт речь. Кстати, Дорокорн, ты, надеюсь, не очень сильно переживал за меня сегодня?

Хитрый Юриник напрягся всем телом и превратился в слух. Он ожидал услышать до боли знакомый голос друга, и ему было неважно, что бы тот ответил, главное, чтобы ответил. Он уже

предвкушал реакцию девушек, и уголки его губ нервно подрагивали, готовые в любую секунду растянуться в злорадной усмешке.

Дорокорн, в смущении прикрывая рот рукой, ответил:

– Нет, наш храбрый Юриник, я, равно как и все мы, ничуть не сомневался в том, что твоя счастливая звезда поможет нам в трудную минуту! И, как видишь, на этот раз мы ни капельки не ошиблись, нам не пришлось разочароваться в твоих великих талантах!

Мы были готовы к такому повороту событий, а Юриник, естественно, нет. Он не поверил своим ушам и остолбенел, но всего на какую-то секунду. Женщины тоже на мгновение остановились, сконфуженно и беспорядочно натываясь друг на друга. Но изошрённый в подобного рода делах Юриник сумел быстро взять себя в руки и продолжил движение. Ещё некоторое время он усердно и сосредоточенно переваривал произошедшее с дорокорновым голосом чудо и озадаченно молчал. Но, естественно, так и не найдя этому явлению никакого разумного объяснения, Юриник бросил это неблагодарное занятие. Мы вынуждены были в непривычном молчании продолжать шествие, с интересом разглядывая всё, что нас окружало.

Но упорный Юриник и не думал сдаваться, трудности обычно только заставляли его усиливать натиск. Он решил произвести второй заход, правильно рассудив, что голоса-то ведь в одночасье не меняются! А, следовательно, здесь кроется какой-то подвох или может иметь место тайный заговор. Но вот какой? И в чём тайна изменения голоса?

Итак, он решил совершить ещё одну попытку:

– А скажи на милость, дружище Дорокорн, как ты себя чувствуешь, всё ли у тебя в порядке, ничего не беспокоит? Не стесняйся, со мной ты можешь быть совершенно откровенен!

– О, спасибо тебе, благочестивый и мудрый Юриник, за трогательную опеку и заботу! У меня, твоими молитвами, пока всё хорошо, чего и тебе искренне желаю, ибо отменное здоровье и немалые душевные силы тебе, я вижу, ой, как понадобятся, – пусть и двусмысленно, но очень спокойно ответил Дорокорн всё тем же слишком правильным голосом.

Юриник подумал: «Это как же, а? Не-ет, это невозможно! Это просто ни в какие ворота не лезет! Вот и повеселились от души, называется. Что же он, сердешный, мог такое с собой сотворить, да ещё так скоренько? Что-то в его новой манере произношения иногда кажется мне до боли знакомым! Но что? Хоть убей, ничего понять не могу. Но как он меня подвёл! Как подвёл! Нехорошо, однако, получается с его стороны, не по-товарищески!».

Всем своим ехидным нутром озадаченный Юриник чувствовал подвох, но ничего поделать в данный момент не мог, ему оставалось только покорно смириться, ждать и думать, как вывести зарвавшегося Дорокорна на чистую воду.

Дорога, по которой двигалась наша разношёрстная в прямом смысле процессия, проходила между двух довольно высоких холмов. Они возвышались над нами, все в дырках и ходах, как муравейники. То тут, то там в отверстиях постоянно мелькали чрезмерно подвижные люди, занимающиеся своими делами. Иногда кто-нибудь из них на мгновение выглядывал и, узрев нас, поднимал в немом приветствии руку. Мы отвечали тем же, и они, довольные, исчезали так же быстро, как и появлялись. Прямо, как суслики-переростки в многоэтажных норках.

Сразу за холмами дорога начинала медленно ползти вверх, а слева и справа от неё раскинулись два огромных озера с тёмно-синей водой, скрывающих в своих глубинах, возможно, каких-нибудь неведомых и опасных диковинных существ. По обе стороны в крутых, почти отвесных берегах так же виднелось множество отверстий, там тоже жили люди. Я где-то слышал, что если вода тёмно-синего цвета, то это говорит о приличной глубине. Надо думать, если в прозрачной воде нигде даже не просвечивается дно, то глубина в этом месте должна быть явно не по колено. Наверняка и рыбы в этих озёрах огромное количество, если её, конечно, как в моём мире, не травят всевозможными гадостями, что практически исключено хотя бы по той причине, что дойти до подобного идиотизма могут только полностью и без остатка

выжившие из ума нелюди! Лишиться не только самому рассудка, но и все вокруг дружно должны сдвинуться набекрень разумом и быть сильно не в себе или же делать это специально! Но тогда это вредительство, которое должно быть пресечено и наказано самым строгим образом. Всеобщее сумасшествие невозможно было в этом, потому и прекрасном мире, в отличие от другого, известного мне, хоть и не подземного, но весьма мрачного.

На поверхности озёр виднелись вдалеке огромные плоты с необычными многоэтажными пристройками. Они стояли на месте, но иногда и там было заметно едва уловимое движение. Я ещё раз повнимательнее присмотрелся. Расстояние было слишком велико для того, чтобы разглядеть и говорить определённо, чем именно на них занимаются люди. Остаётся только догадываться, что не иначе, как рыбным промыслом.

Когда озёра остались позади, дорога повернула вправо, и мы оказались в лесу. Там росли огромные деревья, может быть, пяти обхватов толщиной или даже больше. Вверху, на высоте пятнадцати-двадцати метров у них находились почти полностью сросшиеся кроны с настолько переплетёнными ветвями, что создавалось впечатление второго этажа, стоящего на мощных и величественных колоннах – зрелище захватывающе сказочной красоты! Там, наверху, начинали свой рост, закрепившись на могучих ветках, растения поменьше. А возле мощных корней первого этажа росли, повсеместно белея хаотично разбросанными манящими пятнами шампиньоны, лисички, опята и дождевики. Некоторые из них достигали размеров кочана капусты! Весили они поменьше, но одного такого дождевичка преспокойно хватило бы на приличную сковородку.

Я уже ничему не удивлялся, потому что устал это делать, и моя удивлялка отключилась напрочь, зато восхищалка функционировала пока исправно. Это никакой ни подземный город, это самая настоящая подземная страна. Видел я там и птиц, и животных. Правда, флора и фауна не такие богатые и разнообразные, как на поверхности, но всё же если бы этого здесь не было и вовсе, то было бы как-то пусто и неуютно. Однажды на дорогу выскочил огромный серый заяц и радостно улыбнулся нам во весь рот, а может, это у него нервное было, или просто морковку доедал. Наша компания остолбенела от неожиданности! За ним ещё один, и ещё! Целая стая зайцев понабежала. Все они были размером с крупного кенгуру. Поглазев на нас, косая компания сорвалась с места и умчалась дальше наперегонки по своим делам, топая, словно бешеные слоны, аж земля загудела.

А мы пошли дальше. Вот и закончился волшебный лес с огромными вкусными грибами. Когда есть грибы, у меня начинается томительное волнение и нетерпеливый зуд по всему организму от сильного желания как можно скорее собрать их. На завтрак обязательно закажу себе жареных шампиньонов или осенних опят, а лучше дождевиков с луком и картошкой, возможно, в сметане. Пока не решил ещё, но к завтраку созрею окончательно и определюсь. Уж по чудесным скатертям, мастерски воплощающим мыслеформы, я непременно буду сучать дома! Как замечательно, взял и заказал именно то, чего желаешь в сей момент! И ни тебе магазинов с навязчивой рекламой, ни готовки – живи себе, наслаждайся, и в ус не дуй!

Дорога круто брала вверх, но через некоторое время вновь выравнивалась и с этого места начиналась довольно скудная и каменистая местность, очень похожая на ту, которая предстала нашим взорам несколько часов назад, когда мы имели удовольствие войти в Подземный город. Да, именно так всё и выглядело за секунду до того, как нам на головы натянули нелицеприятные мешки, из чего можно было сделать заключение, что мы почти пришли. Вскоре из-за сопки выглянуло отверстие – вход в коридор. Теперь можно смело начинать учёбу, ибо подарочек для учителей и учеников уже был заготовлен, и долго ждать его вручения не придётся. Уж мы постараемся осуществить всё задуманное без муторных проволочек и волокит.

Совершенно неожиданно раздался громкий голос домового, сейчас принадлежащий Дорокорну. Это произошло в тот момент, когда ловелас Юриник был занят важным и ответ-

ственным делом: страстными прощальными лобызаниями с девушками, успевшими стать ему родными и милыми сердцу.

Вызывающе наглый голос во всеуслышание произнёс:

– Вот видите, что из настоящих мужчин сотворяет излишне повышенное внимание множества благосклонных женщин, страстно желающих приобщиться к прекрасному, большой и настоящей любви!

Дорокорн вздрогнул от неожиданности и, поняв, что это сказал якобы он сам, здесь же состроил умоляющую гримасу, прекрасно понимая, что сейчас может последовать неконтролируемый взрыв эмоций с ранищими осколками последствий. Взрыв, вызванный оскорблённым болезненным самолюбием его любвеобильного друга, задетого за живое. Юриник всё прекрасно слышал, но... поразительно! Он даже бровью не повёл, будто сказанное его ничуть не касалось, лишь слегка покосился в сторону Дорокорна, одновременно с этим нежно целуя на прощание очередную девушку. Дорокорн облегчённо вздохнул и вновь, будто смущённо, этак интеллигентненько прикрыл рот кувалдообразной рукой. Мне кажется, он, если бы мог, сейчас заштопал бы его наглухо суровыми нитками. В этот момент, как гром средь ясного неба, вновь раздался всё тот же предательски наглый и вызывающе ехидный голос:

– А ведь какая прекрасная могла бы получиться семья! Вы все так чудно подходите друг другу! Я едва не прослезился от умиления! Ха-ха-ха!

При этом девушки, стоявшие рядом с Юриником, дружно захихикали, а сам он грозно взглянул на Дорокорна и проговорил сквозь стиснутые от едва сдерживаемого негодования зубы:

– Сдаётся мне, что кое-кому очень завидно! Завидно и обидно! А всё потому, что не на него обратили внимание, а, безусловно, на более достойного!

Дорокорн открыл рот, чтобы дать отпор, но вовремя спохватился и, прибавив шагу, быстро пошёл вперёд, успев сказать на прощание не своим голосом следующее:

– Подержался за ручку и получил удовольствие, молодец! Значит, как честный человек, обязан жениться! На всех! Просто обязан! Таково правило! Сам виноват! Свадебные подарки за мной, ручаюсь! А коли ты, олух, снова не справишься со всеми, то я даю обет стать примерным мужем! Опять придётся отдуваться за тебя, непутёвого.

– Что за ахиною ты несёшь? Белены, что ли, объелся? И, вообще, в своём ли ты сегодня уме? – разъярённо взревел Юриник, возмущённый беспардонной выходкой товарища. Любопытные девушки тут же перестали хихикать, они уже громко смеялись.

Дорокорн схватил ноги в руки и смело бросился наутёк, чтобы больше не сболтнуть ненароком лишнего. Он попытался как можно быстрее удрать подальше, откуда его не было бы слышно и, желательно, даже видно. С его стороны это было очень мудрое решение, принятое как нельзя вовремя, ибо лимит терпения Юриника был исчерпан до последней капли.

«Да, – подумал я, – наш проказник-домовой своего не упустит, над всеми успеет подшутить и посмеяться!». Хотя, конечно, Дорокорна он спас, что не говори. Уж Юриник его в порошок бы стёр и мокрого места не оставил, если бы только тот говорил своим обычным писклявым голоском. И не беда, что теперь ему придётся жениться на всех разом, согласно торжественно данному прилюдно обещанию, подумаешь, какой пустяк, стерпится-слюбится!

Вежливо распрощавшись со своими провожатыми, мы направились к лестнице, её обратной стороне. Раздался всё тот же лёгкий скрежет трущихся друг о друга камней и перед нами медленно начал открываться вход в центральный винтовой коридор. Оглянувшись на наших друзей и подруг, которые на всякий случай обнажили привычными движениями оружие, мы, стараясь не шуметь, отправились усталые, но довольные в нашу скромную обитель.

* * *

Глава 7

Первый день занятий

Остаток ночи и начало утра пролетели незаметно. Мы мирно спали, пытаясь хоть немного отдохнуть и восстановить силы перед предстоящим первым учебным днём. И вот в коридоре уже вновь раздались дикие крики, будто кого-то терзают, рвут живьём в клочья! Это Коршан, словно крылатый кошмар, горлопанил во всю свою лужёную глотку, будто ёжика крупного заглотил, а тот растопырился и фыркает, застряв у него в глотке! И как он только сам выносит свой чудесный голосок и не сходит при этом с ума! Я, подпрыгнув на кровати, посмотрел на часы: пять тридцать утра.

Юриник недовольно промычал охрипшим ото сна голосом, с трудом продирая глаза:

– Этот Коршан – чудо в перьях, садист пернатый, убийца моего абсолютного музыкального слуха.

А Дорокорн добавил своим обычным высоким голосом, сладко при этом потягиваясь:

– А нам его ещё за это вкусным завтраком кормить, уши бы мои его не слышали, глаза не видели!

Пока Дорокорн произносил всё это, мгновенно проснувшийся Юриник подозрительно уставился на него, сверля пронзительным взглядом, а когда тот закончил, вкрадчивым голосом спросил:

– А не будет ли так любезен достопочтимый Дорокоша, не соблаговолит ли он объяснить во всеуслышание, какая ядовитая муха его укусила сегодня ночью? Почему это он нёс дикую околесицу, я бы даже сказал, полную ахинею, не побоюсь этого страшного слова? Да ещё и не своим родным голосом, который ему, между нами, мальчиками, говоря, так удивительно подходит! Как вот тебе, симулянт несчастный, удалось изменить свой милый голосок и подпортить мне ночь, обещавшую быть такой дивной? Как это всё прикажешь понимать? А я ведь ещё обещал этим прекрасным женщинам, что их ожидает приятный сюрприз, когда они услышат твой голос! Я говорил, что стоит только тебя услышать, как им ни за что не удастся сдержать своего восхищения! А ты меня подвёл, друг сердешный! Ну, что скажешь в своё оправдание? Может, ты заболел? Что-то не похоже!

Дорокорн, пытаясь скрыть смущённую улыбку, решил пока утаить правду от Юриника и проговорил, делая вид, что ему и самому очень неудобно оттого, что всё так неловко вышло с его стороны:

– Сам не понимаю, что со мной произошло, ты уж извини меня, дружище, что я не оправдал твоего высокого доверия. Я просто теряюсь в догадках, нашло на меня что-то, словно накатило. Вдруг взял, да и охрип ни с того ни с сего. Совершенно неожиданным образом! А сейчас вот, сам слышишь, отпустило. Всё восстановилось само по себе, бывает же такое! Чудеса!

Юриник вынужден был удовлетвориться такими объяснениями, хотя они и не очень походили на правду.

– Да уж, – недовольно пробурчал он, – бывает! Уж чудеса, так чудеса! А главное, как вовремя на тебя накатывает это что-то. Смотри, дружище, не подведи меня в следующий раз, а то боюсь, у тебя эти чудеса могут войти в привычку. Ты же рискуешь потерять свою индивидуальность, понимаешь, свою изюминку! И что тогда будет? Ну, подумай, сообрази скорей!

– А что тогда будет? Что ты имеешь в виду? Ты так сильно переживаешь только из-за того, что тебе не над кем будет потешаться?

Ничего не ответил Юриник, только бросил на Дорокорна недовольный взгляд. На этом пока все разговоры и закончились. Мы принялись молча убирать в комнате и приводить себя в должный порядок. За этим важным занятием нас и застал домовый, честно выполнявший

своё обещание охранять нас по ночам. Он пришёл на доклад, а точнее, вывалился кубарем из стены нервно и стремительно, напугав при этом Юриника с Дорокорном, которые попытались в отместку стукнуть его подушками. Но он, ловко увернувшись, отбежал, семеня ножками, в сторону. Немного выждав, когда всё успокоится, он бравой походкой подошёл к Юринику и с ходу выпалил, вытянувшись в струнку:

– За то время, пока вы изволили почивать без задних ног, никаких происшествий не случилось. Кроме одной маленькой неприятности – у меня закончились пряники и, вообще, они мне порядком поднадоели, и я желал бы попробовать что-нибудь новенькое! Например, кешью в сахаре или шоколад. Вполне может быть, что и халву тоже захочу. Да-а, точно, пожалуй, начну с халвы и шоколада, но и от орешков в сахаре не откажусь, вы же знаете, я не привередливый! Только вы непременно должны меня не просто угостить, а сказать приблизительно так... Э-э, пусть лучше Юриник скажет, ибо у него достоверней получится, голос у него подходящей солидности, да и мне приятней будет: «Дорогой Максимилиан, а не желал бы ты сегодня откушать... или лучше отведать... уж будь так любезен, изволь насладиться...».

Размечтавшийся, было, домовый, испарился в мгновение ока, когда Юриник с силой запустил в него подушкой, с криком:

– А переваренной каши на лопате не соизволишь отведать, бестия рыжая, мохнатый ты сладкоежка? Халвы ему откушать! Ишь, тоже мне, ещё один падишах выискался! Одному падишаху подавай гарем, другому шоколада в халве на блюде! Не-ет, чует моё сердце, придётся всё-таки расчихвостить в пух и прах этого шельмоватого домового с явно выраженной манией величия!

Всё дело в том, что Максимилиан говорил свой доклад и излагал просьбу именно тем самым голосом, которым недавно вещал вместо Дорокорна, а потом этим же голосом он осмелился подтрунивать над Юриником. Сам же Юриник сломал себе голову, мучаясь нелёгким вопросом и теряясь в догадках: «как же Дорокорну удалось так быстро изменить свой голос, и что ему показалось в этом голосе таким знакомым?». Когда шустрый домовик подошёл с докладом именно к нему, то Юриник уже не сомневался, что всё это неспроста. Но как только он услышал голос домового, его словно осенило и он, наконец, припомнил, чей это голос сегодняшней ночью так сурово подкузьмил ему. А одновременно с этим осознал, что Максимка, на этот раз в сговоре с Дорокорном, вновь удачно подшутил над ним и, как всегда, вышел сухим из воды. Юриник увидел, что все вокруг еле сдерживали смех, и подумал: «А сейчас небось этот шишок сидит где-нибудь в укромном местечке и вовсю потешается надо мной».

– Мелкий и вислоухий косматый выскочка, подкроватный лишенец! Басота! Да я разнесу тебя по кочкам и разделаю под орех!

– Ты его ещё на роги намотай! – робко посоветовал Дорокорн и сразу осёкся, поймав разгневанный взгляд друга.

Юриник театрально-наиграно зашипел:

– Поговори мне ещё! Кстати, готовь свадебные подарки на всех, ты же, кажется, ручался?

Последнее он говорил уже гораздо спокойнее, видно, успел слегка отвести душу и весь иссяк. Но я заметил, что он ни разу не повторился, расточая эпитеты в честь проказника домового.

– Ну, мне всё понятно, сговорились, значит? А я-то как чувствовал, что здесь что-то не так! Сердцем чувствовал! Я всегда чувствую. Меня на мякине не проведёшь, я стреляный воробей, я предчувствую, у меня всегда предчувствие. Так и знайте на будущее: теперь за мной ответный ход, готовьтесь. Ишь, выискались два друга – геморрой да потуга, встретились два неприкаянных одиночества!

Не совсем понятно, к чему он приплёл геморрой да потугу, хотя, может быть, просто выражение ему это нравилось или, по его мнению, здесь подходили любые поговорки, где фигурирует число два? Или всё дело в том, что одно усиливает другое?

Так весело началось утро первого учебного дня. Через некоторое время волнения поутихли. Дормидорф, настроившись на серьёзный лад, сказал учительским тоном:

– Ладно, пошутили, и хватит, давайте лучше решать, когда мы приступаем ко второй части нашего плана: захвату и обезвреживанию?

– Нам ничто не мешает сделать это сегодня ночью, – за всех ответил Юриник.

– Мне тоже кажется, что тянуть с этим делом не следует, мы и так зря потеряли несколько дней, пока добирались сюда – высказал я своё мнение.

А Дорокорн, насмешливо скривив губы, добавил:

– Несколько дней – это пустяки! Ещё неизвестно, какие трудности у нас могут возникнуть впереди, и сколько времени мы потратим, чтобы преодолеть их! Кто знает? Да и на обратном пути всякое возможно.

– Да, так частенько бывает, – согласился Дормидорф, – вроде бы всё продумаешь и учтёшь, а нет, не тут-то было! Обязательно возникнут всякие непредвиденные обстоятельства, на которые порой можно угрохать больше сил и времени, нежели на само дело! Значит, решено, сегодня ночью. Нужно отправить домового предупредить геронитов, что около одиннадцати вечера мы их будем ждать возле лестницы.

– Да, – добавил Дорокорн, с опаской глядя на Юриника, – и пусть женщин с собой не берут, а то эти самые непредвиденные обстоятельства могут начаться очень даже предвиденно!

– Нет, какой ты всё-таки завистливый человек, – сокрушался Юриник, – стоит только мне, твоему лучшему другу, хоть в какой-то маленькой степени обрести, наконец, заслуженный почёт и уважение, как ты тут как тут! Так и норовишь всё испортить! Наверное, сам глаз положил на какую-то из моих красавиц, вот и переживаешь?

Дорокорн даже захлебнулся от праведного возмущения и уже хотел дать отпор дамскому угоднику, когда вмешался Дормидорф:

– Вот ещё что, пусть герониты берут в плен всех, кого пожелают, а нам оставят лишь хозяйина школы. Нам сегодня предстоит схлестнуться с самым грозным Джорджиониусом, а у вас одни волосатые девчонки на уме! Опомнитесь, пока не поздно, мой вам совет! А то околдуют они вас женскими чарами и утянут в подземный мир, а потом накинута всей гурьбой, и не будет у вас ни сна, ни отдыха! Заездят они вас заживо! Помяните моё слово, заездят и уделают начисто! Укатают, как Сивку-Бурку крутые горки, уж я-то знаю этих женщин, как облупленных, особенно тех, кто помохнатее! Как вспомню, так вздрогну! Ух, страстные они во всём, ядрёна Матрёна! Э-эх, будь я помоложе, так показал бы вам, как всё должно делаться! Ну да ладно, уговорили, будет время, тогда и покажу, вот давайте только дело сделаем, а там уж и стариной тряхнём!

Воцарилась длительная торжественная минута молчания. Мы, поражённые этим всплеском эмоций и темперамента, стояли словно столбы, замерев на месте и раскрыв от удивления рты. То, что нам сейчас довелось услышать, как-то не клеилось с образом добропорядочного и девственно-чистого старче. Образом святоши, который доселе так удачно поддерживал наш бравый любитель залихватски потрясти стариной. Да-а, что-то Дормидорф разошёлся не на шутку, а сам в то же время эдак хитро на нас посматривает, будто проверяет реакцию. Пойди там, разбери, серьёзно он это говорил или шутил.

А он тем временем уже обращался к домовому:

– Максимилиан, где ты запропастился? Передай геронитам, что я только что говорил! Да не вздумай распространяться там про женщин и про мою трясучую старину! Нужно говорить про время и место встречи, а то знаю я тебя, шутника! Слышишь, что ли, Максимилиаша?

– Слышу, слышу, – отвечал домовый, медленно появляясь возле входа в комнату, – а где же, интересно узнать, та самая милая женщина, о которой ты так много рассказывал?

– Какая-токая милая женщина, да ещё и о которой я так много рассказывал? – ошеломлённо спросил Дормидорф. Все заинтригованно уставились на него.

Домовой, сосредоточенно хмуря брови, что-то с усердием и скрипом вспоминая, проговорил весьма удивлённо:

– Ну, как же? Та милая, но очень крупная женщина... как её? А-а, ядрёна Матрёна, вот! Дормидорф делано грозно цыкнул на него:

– Тебе-то как раз про неё лучше ничего не знать, а то по ночам кричать будешь сильно и этим ещё больше мешать нам спать! Уж я это точно знаю. Вот ещё что, шутник, пусть герониты ворона поймать не забудут! А то мы его тутушки напоим или накормим сонной травой, а он через некоторое время очухается и примется бродить по коридорам да колобродить, словно неприкаянное приведение. Вот тогда его, родимого, и нужно брать тёпленьким. Запомни: часа три, ну, от силы четыре после ужина – это крайний срок! А то ищи его потом, свищи, как ветра в поле.

– И ещё, – вновь продолжил Дормидорф, – если получится, не помешало бы захватить школьную скатерть, ибо есть у меня на счёт неё одна отличная задумка. Ну что? Вроде бы всё решили, пора отправляться завтракать! Пойдёмте... Максимка – в трубку! К геронитам отправишься, когда мы пойдём изучать растениеведение к Томаране, а то вдруг мы ещё что-нибудь важное вспомним, а тебя уже и след простыл. Заодно мы тебя и халвой угостим.

Домовой радостно закивал головой и беспрекословно исчез в трубке. А Дормидорф продолжал ворчливо:

– Откуда он только про неё узнал?

– Про кого, про Матрёну, что ли? – весело поинтересовались мы чуть ли не хором.

Дормидорф, довольно улыбнувшись и снисходительно покачав головой, пояснил:

– Да какая ещё Матрёна, я про халву! Откуда он узнал про халву? То всё пряники, пряники, а тут, на тебе, Матрёна! Тьфу, то есть, шоколад, халва, кешью в сахаре! Странно это всё как-то! Ну да ладно, надеюсь, скоро мы всё об этом узнаем. Сам не выдержит и проговорится. Но, чуёт моё сердце, всё это неспроста.

Все уже готовы были идти на завтрак, который должен был стать последним в этих стенах, и не только для нас. Мы, между прочим, уже давно дали этому месту ёмкое и лаконичное название – школа гадостей.

По пути в обеденный зал мы ровным счётом никого не встретили. Видно, слегка припозднились со своими военными советами. Но ничего страшного, к началу занятий мы, надеюсь, не опоздаем, просто будем завтракать немного быстрее обычного и в два счёта обязательно наверстаем упущенное время.

Через несколько минут мы уже уплетали за обе щеки. С аппетитом, словно стая голодных волков, дорвавшись, наконец, до вожаемой добычи. У Юриника снова что-то мерно потрескивало за ушами от чрезмерного усердия во вкушении очередного деликатеса. Конечно, сегодняшней ночью у нас была прекрасная возможность проголодаться. И сие неудивительно, ведь кроме совсем не маленькой пешей прогулки, мы основательно перенервничали вдобавок, когда нам напялили на головы смердящие мешки и посадили в ту небольшую пещерку, словно преступников или злодеев.

Я, как и мечтал, заказал опять, жареных в сметане с луком и картошкой у прекрасной скатерти-самобранки. Ну, чем не замечательный завтрак? Зато теперь можно до вечера не думать о еде. Заодно Максимке заказал халвы и ворону куриных попок, которые он в данный момент и заглатывал одну за другой, довольно похрюкивая. Чтобы подшутить над Коршаном, я заказал попки со скромным украшением: в каждой из них было оставлено самое длинное и толстое перо с кучерявеньким ворсом, да так и приготовлено. Загляденье! Смотрелось со стороны очень красиво, словно последнее прости-прощай. Трогательно до слёз, не правда ли?

Только ворон ничего этого не оценил, а вместо благодарности пробурчал ворчливо и привередливо:

– Ох, и модные девчонки пошли, как я погляжу! Скоро уж и причёски себе делать где ни попадя станут. А мне тут ковыряйся с ними, с кокетками, и теряя драгоценное время! Пока это доберёшься до тела! А пахнет всё равно вкусно. Просто замечательно пахнет. Какой парфюм! Ну, и объединение...

И похожий в этот момент на старого прожженного пирата ворон со свистом всасывал клювом исходящий от куриных попок тончайший аромат. При этом он умудрялся ловко выщипывать модные, по-боевому топорщащиеся пёрышки из хорошо прожаренных куриных попок, будто всю жизнь только и делал, что занимался этим. Он часто-часто и как-то суетливо пощёлкивал клювом, как профессиональный цирюльник ножницами. Ловко, и вместе с тем нежно и бережно, с лёгкой интимной печалью в жестах и глазах, Коршан складывал выщипанные пёрышки в аккуратненькую кучку, словно знамёна поверженных врагов. Наверное, чтобы потом, после завтрака, погрузиться над нелёгкой женской долей. Что ж, женская доля вполне может быть и такой, согласен. Впрочем, бывают и благородные участи, но всё больше в женских романах и мечтах. А посему сентиментальному ворону останется только, смахнув скупую мужскую слезу над кучкой, отдать последнюю дань уважения и поразмыслить о вечном.

Во время завтрака никто из нас не проронил ни слова, Коршан не в счёт. А вот когда приступили к напиткам, то Дорокорн вежливо поинтересовался у занятого всё тем же ворона:

– Коршан, извини, что я тебя отрываю от столь личных дел, но ты не скажешь, во сколько начинаются занятия?

– В семь утра и не на пёрышко больше, то есть не на секунду позже. И очень настоятельно рекомендую не опаздывать, а то Томарана, ядри её в корень, коли осерчает, может у-ух что сделать! Сами скоро узнаете, не стану я вас пугать раньше времени, а то ещё аппетит испорчу.

– Да мы уже поели, не испортишь, рассказывай, что там такого страшного? – попросили мы, многозначительно переглянувшись и при этом улыбки с наших лиц как ветром сдуло.

– Да не вам аппетит-то испорчу, ишь, чего удумали! Не вам, а себе. Рассказывать не буду, не могу я, она меня сама попросила не болтать. А то я бы уже давно вам всё рассказал! Что мне, думаете, жалко, что ли? Не-ет, мне-то совершенно не жалко. Вот могу вам в утешение рассказать про перемены, желаете?

Естественно, мы очень желали узнать, какие произошли перемены, тем более, что это могло каким-то образом отразиться на наших ночных планах по захвату школы.

Юриник не выдержал и проговорил сквозь зубы:

– Так что же это ты, ведь с этих перемен и нужно было начинать!

Ворон, слегка приподняв одну бровь, проговорил заговорщицким тоном:

– Что ж, извольте. Итак, перемены назначает учитель, когда сочтёт нужным, и сам же определяет их продолжительность.

Всё понятно! Мы разочарованно переглянулись. Я украдкой взглянул на часы, время ещё было, оставалось двадцать пять минут до начала занятий. Теперь Юриник задал свой вопрос, похоже, в отместку за перемены:

– А скажи, пожалуйста, Коршан, когда ты опять станешь человеком?

Коршан подпрыгнул на месте.

Юриник здесь же пояснил, чтобы лишний раз не травмировать психику и без того нервной птицы:

– Нам ведь нужно знать, когда готовиться к тому званому пиру, на который ты обещал пригласить нас почётными гостями? Ну, ты сам всё понимаешь! Едой необходимо запастись и так, по мелочи, девочками.

Ворон внимательно, словно строгий и проницательный чиновник, прикидывающий намётанным и бесстыжим взглядом размеры возможной mzды, посмотрел на Юриника долгим

испытывающим взглядом. Он даже на минутку перестал совершать столь привычные дыхательно-пихательные движения. Потом всё же ответил. Правда, не сразу, но сподобился:

– Как только вы прослушаете весь курс и сдадите экзамены, в чём лично я ни капельки не сомневаюсь, Джордж обещал вернуть мне облик человека, естественно, при условии, что я расстанусь со своей вредной привычкой – чревоугодием, а про девочек мы договорились помалкивать. Мне кажется, что последнее время я проявляю порой чудеса воздержания! Главный показатель – моя способность летать. Как только не смогу подняться в воздух, так он сразу же превратит меня, несчастного, в... – он на мгновение замер, решаясь, говорить или не стоит, и грустно продолжил, – даже говорить, во что превратит, не хочу – противно, брр. А вы-то сами как думаете, не слишком ли я воздержан последнее время в еде? Может быть, уже можно позволить себе чуточку больше?

– Ну-у, не то-о, чтобы уж очень воздержан, – отвечали мы, чуть ли не лопааясь от смеха, – но и почти не голодаешь. Главное, что летать пока ещё можешь, значит, всё путём...

Коршан удивлённо посмотрел на нас, а Юриник пояснил ему:

– Значит, всё в порядке, всё ля-ля. Ведь ты летаешь, как ласточка, мы же всегда восхищались тем, как ты ловко и виртуозно умеешь это делать! Чего только стоит одна та легендарная бомбардировка Корнезара на плоту!

Ворон благодарно крякнул в ответ и блаженно закатил глаза. Он всегда впадал в благоклонное расположение духа при воспоминании о том занимательном случае, чего нельзя сказать про ещё одного участника тех милых воронову сердцу событий. Да, случай был не только занимательный, но и весьма поучительный. И действительно, коли не желаешь, чтобы тебе самым откровенным образом наделали в рот, так не разевай его абы зачем и почём зря!

Коршан, поблагодарив нас за завтрак и пожелав удачи и успехов в учёбе, улетел по своим делам, сделав вместо одного круга по обеденному залу целых три. Напоследок, ловко спикировав, пролетел совсем близко над нашими головами и, покачивая крыльями на прощание, на огромной скорости вылетел в коридор.

Через некоторое время из коридора раздался звонкий звук удара, словно шлепок пощёчины, а затем громкий вскрик и ругань. А ещё через несколько секунд оттуда, чуть покачиваясь, вошел Корнезар с большим красным пятном на лбу. Он был просто взбешён. Подойдя к нам и усевшись за стол, Корнезар разъярённо зашипел:

– Чтоб этот обжора, этот пернатый стукач, этот осёл крылатый себе клюв поломал! Бурдюк, утыканный перьями! Чтоб у него на лбу хобот вырос и всё, до чего этот хобот только смог бы дотянуться, ему в ненасытный клюв пихал, пихал, пихал! И чтоб у него вдобавок первой клещ завелся, и всё оперенье сожрал, вот потеха была бы!

Он ещё много чего наговорил, но сейчас нет нужды оглашать весь список ругательств, сказанных в адрес ворона его самым закадычным другом. Скажу только одно: если хотя бы малая часть тех замысловатых, но искренних и сказанных от чистого сердца пожеланий сбылась, то получившееся нечто было бы настолько же привлекательно, как дальнейшая судьба мира, из которого я сюда прибыл. Ну, может быть, Коршан выглядел бы чуточку посимпатичней.

Немного успокоившись, Корнезар заявил, что пришёл за нами. Не лично за нами, а за всеми учениками, которые ещё находятся здесь, в обеденном зале. Всем надлежало, и желательно побыстрее, отправляться на первый уровень в учебный зал, где через какие-нибудь десять минут начнутся занятия. Красное пятно на его лбу медленно расплывалось, опухало и уже начинало принимать очертания шишки с тёмной точкой посередине. Очень походило на то, что на этот раз Корнезар схлопотал по куполу именно клювом, а не крылом, как в прошлый раз. Что ж, не повезло, не каждый день коту масленица. Зато повезло в другом, не получил в глаз от души, нет худа без добра.

Наскоро покончив с остатками завтрака, мы на всех парах поспешили в зал первого уровня, ведь каждый знает, что крайне неприлично опаздывать на занятия, пусть даже и такие, тем более в первый раз.

В обеденном зале оставалось ещё человек восемь и в коридоре мы были не одни, так что вероятность придти последними нам не грозила.

И действительно, когда мы без лишних задержек прибыли на место и вошли в учебный зал, то свободных мест было ещё достаточно, и мы выбрали последние четыре места по правую руку от входа, если стоять лицом к учительскому столу. От нечего делать принялись разглядывать травы и корешки, которые в аккуратном порядке лежали перед каждым из нас на больших подносах. А справа от них стояли всевозможные колбочки и мензурки. Некоторые пустые, а некоторые с какой-то, не всегда прозрачной жидкостью, вполне возможно, что и с обыкновенной водой, но пробовать на вкус и проверять почему-то не было никакого желания, кто его знает, в кого потом превратишься или куда побежишь, подпрыгивая от нетерпения. Слева от подносов стояло что-то похожее на обыкновенную спиртовку с подставкой для колб, которые обычно используются для кипячения или выпаривания всевозможных жидкостей. Общее впечатление, как в наших школьных кабинетах химии перед проведением очень важных лабораторных работ.

«Не знаю, как сейчас, но двадцать лет назад всё выглядело именно так», – подумалось мне. А если учесть, что химия была далеко не самым моим любимым предметом в прекрасные школьные годы, то я почему-то вовсе не испытывал дикого восторга от увиденного, особенно от предстоящих перспектив, о которых мне даже думать не хотелось. Скорее, напротив, в моей душе поселился щемящий ужас, ибо самое серьёзное наказание тогда ни в какое сравнение не шло с возможным теперешним ущербом для здоровья. Вот когда меня настигли последствия моей лени и разгильдяйства в нежно любимой мной школе! Это выглядело, как изощрённый пламенный привет из глубин далёкого детства! Кто бы мог подумать! Но, может быть, пронесёт и на этот раз? Тем более продержаться надо всего один день. Это же сущие пустяки, особенно по сравнению с целым уроком литературы или иностранного языка в моей школе, когда любого, не выучившего урок, в два счёта выводили на чистую воду. Это я уже помалкиваю про точные науки. В общем, я решил для себя и на этот раз – будем надеяться на лучшее, а готовиться к худшему!

Пока я думал свою горькую думу и разглядывал великолепие колдовской флоры, вдыхая своеобразный тонкий аромат иссушенных трав, все доселе пустующие места были успешно заняты, и остаток свободного времени до начала уроков благополучно истёк. Вдруг шушуканье мгновенно смолкло. В зал вошла Томарана, собственной неординарной персоной. Быстрым шагом она прошла к учительскому столу и, резко развернувшись вокруг своей оси на сто восемьдесят градусов, сказала приятным низким голосом:

– Приветствую вас, жаждущие познаний! Здравствуйте, ибо здоровье нам всем ещё очень и очень понадобится для подробнейшего изучения занимательного и такого необходимого в жизни каждого нормального человека предмета – растениеводства. Особенно той его части, где придётся проводить опыты на себе или на своих однокурсниках. Эти опыты будут тем увлекательнее, чем удачнее они у вас будут получаться, ну, а в случае неудачи вам как раз и понадобится крепкое здоровье. Но не извольте нервничать и переживать, ибо я всегда приду к вам на помощь в трудную минуту и с преглубоким удовольствием практически мгновенно облегчу ваши страдания. Могу вас заверить в том, что закончится всё быстро и безболезненно. Не забывайте, пожалуйста, что отрицательный результат, он ведь тоже результат, и подобный прискорбный опыт вам так же необходим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.